

Альфонс Олар

**ХРИСТИАНСТВО и ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1789 – 1802**

Перевод с франц. *К.Шпицберга*

Москва: «Атеист». 1925

Веб-публикация: товарищ Синяя блуза и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*, 2009. Старая орфография оригинала и написание имен собственных сохранены.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции

Предисловие

I. Христианство в последние годы старого режима и в начале революции

- I. Католицизм - государственная религия. Старинная терпимость в отношении иудеев; позднейшая терпимость в отношении протестантов
- II. Организация галликанской церкви: ее богатства, привилегии, ее престиж.
- III. Вера и неверие
- IV. Пример манской провинции
- V. Позиция философов: Вольтера, Рейналя.
- VI. Религия в Наказах

II. Гражданское устройство духовенства (1790-1793 г.г.)

- I. Начинаящая революция встречает содействие низшего духовенства
- II. Первые политико-религиозные меры Учредительного Собрания: десятины, имущества церкви. Декларация прав, роспуск религиозных орденов
- III. Отказ от провозглашения католичества государственной религией
- IV. Папа осуждает декларацию прав в марте 1790 года
- V. Гражданская конституция духовенства: ее существеннейшие пункты, ее дух
- VI. Рождение религии отечества. Федерации. Алтари
- VII. Папа высказывается против гражданской конституции. Схизма окончательно определяется
- VIII. Разделение галликанского духовенства на присягнувших и неприсягнувших и вызванная этим борьба.
- IX. Волнения в Париже и первое провозглашение свободы культов
- X. Практическое применение этого принципа: неприсягнувшие, евреи, протестанты
- XI. Неприсягнувшие приобретают облик контр-революционеров
- XII. Жестокие законы Законодательного Собрания против этих непокорных. Меры обмирщения (laicisation)

III. Попытка дехристианизации (1793-1794 г.г.)

- I. Конвент вначале поддерживает гражданское устройство духовенства
- II. Враждебная позиция папы. Вандея. Суровые законы против ослушных священников
- III. Первые попытки дехристианизации
- IV. Выступление граждан Риз-Оранжи, отказывающихся от культа. Отречения. Праздник Разума в соборе Богоматери
- V. Распространение и характер культа Разума
- VI. Позиция Комитета общественного спасения и Конвента. Новое провозглашение свободы культов
- VII. Дехристианизация продолжается и принимает более общий характер.
- VIII. Христианство переживает серьезную опасность
- IX. Культ высшего Существа. Робеспьер

IV. Отделение церкви от государства (1794-1802 гг.)

- I. В сентябре 1794 г. упразднено жалование духовенства
- II. Закон 3 вантоза III года: отделение и свобода. Возрождение конституционной церкви и воскресение римского культа
- III. Закон 11-го прериала III года: возвращение церкви верующим
- IV. Закон 7-го вандемьера IV года: общее управление культов
- V. Обзор религиозных сект, рационалистических группировок при режиме Отделения. Религиозная политика Директории - осуществление дехристианизации путем светского воспитания и введения декадных праздников
- VI. Общее обмирщение. Разрушение этого строя Конкордатом

О Т Р Е Д А К Ц И И

Альфонс Олар является первоклассным знатоком истории великой французской революции. Настоящая его работа, вышедшая в 1925 г., является кратким, сжатым, но почти исчерпывающим обзором фактов, относящихся к области взаимоотношений церкви и революции во Франции конца XVIII-го века. И здесь, как и в других своих более крупных работах, Олар обнаруживает величайшую добросовестность в обращении с фактами. Но Олар не только добросовестный историк, он, к сожалению, еще и буржуазный ученый, хотя и настроенный весьма гуманно и либерально. Он всерьез верит, что историк в подборе и освещении фактов может остаться «беспартийным». Он пуце огня боится «смелых обобщений», «слишком категорических утверждений». Он и в настоящей своей работе пытается избежать всяких четких и определенных выводов особенно потому, что эти выводы неминуемо должны были бы быть направленными против церкви и религии. Но так как Олар, как мы уже указали, весьма добросовестно обращается с фактами, так как «факты - упрямая вещь», то читатель, познакомившись с последней работой Олара, сам легко придет к надлежащим выводам, к тем «категорическим утверждениям», которых так боится Олар.

Факты, сгруппированные и собранные Оларом в настоящей книге, беспощадно разоблачают истинную природу религии и церкви, вскрывают то непримиримое противоречие, которое существует в современном классовом обществе между религией и революцией. От Олара мы узнаем, что во время великой французской революции не было ни одного крупного контр-революционного выступления, в котором главными деятелями, а часто и вдохновителями, не были бы агенты церкви. Олар показывает нам, как церковь связывала себя со всякой реакцией, со всякой силой, которая стремилась к подавлению революции. Пока французская буржуазия была классом революционным, пока она возглавляла народные массы в борьбе с феодализмом, церковь, сама являвшаяся гигантской феодальной организацией, связывала свою судьбу с дворянами и помещиками. Между тронem и алтарем, между помещичьим кнутом и поповским кадилom существовала крепкая, казалось, незыблемая связь. Но затем, когда феодализм был разбит на голову, - когда недавно еще шедшая в авангарде революции буржуазия выступила против трудовых масс французского народа, когда она сумела в лице Наполеона найти себе саблю для подавления революции, церковь быстро приспособилась к интересам нового командующего класса и отдала себя на служение ему.

Факты, собранные Оларом в настоящей работе, оказались настолько упрямыми, что против них в одном месте не устояла и его твердокаменная «беспартийность». Он с некоторым смущением вынужден признать, что религия и церковь не имели никаких глубоких корней в массах, что еще в конце XVIII века церковь сама по себе не нашла защитников среди трудового населения Франции. Олар объясняет этот факт взрывом патриотизма, охватившим Францию в 1793-95 г.г. Однако, он не показывает нам, в чем заключалось существо этого революционного патриотизма. Для нас, современников великой российской революции, объяснение Олара недостаточно. Мы-то теперь хорошо знаем, что церковь и религия прежде всего являются орудием угнетения и одурачивания в руках господствующих классов, что церковь является эксплуататорской организацией, что опирается она в первую голову на материальную и политическую поддержку эксплуататоров и угнетателей, на невежество и инертность трудовых масс. Нам понятен и смысл того краха, который потерпела католическая церковь в 1793-95 г.г. Пока церковь, потерявшая старого хозяина,

каким был класс феодалов, не нашла себе нового хозяина в лице буржуазии, пока массы крестьянства, ремесленников и городского пролетариата была охвачены революционным порывом, пока они были активными участниками в великой борьбе классов, церковь представляла собой развалины. Но затем, когда буржуазия окрепла, сплотилась и победила революцию, когда трудовые массы французского народа истощили свою энергию в борьбе, буржуазия сумела надеть на него вместе с цепями политико-экономического принуждения и цепи духовного рабства. Церковь везде и всегда представляла собой силу настолько, несколько за ней стояла экономическая и политическая мощь класса эксплуататоров.

130 лет прошло со времени тех событий, о которых нам рассказывает Олар. Порядочная, как будто, старина. Но в этой старине слышится нам захватывающая и поучительная новизна. Разве не напоминает нам вандейское «католическое войско» иисусовы полки Колчака? Разве не является наша «живая церковь» худосочной пародией на «конституционное духовенство» времен французской революции? Разве не были все контр-революционные махинации нашего духовенства выражением той неразрывной связи, которая существует между церковью и реакцией, которая сказалась и в поведении французского духовенства 130 лет назад? Разве не помогают нам уроки французской революции отчетливее и глубже разобратить те силы, на которые опирается наше современное церковное движение, чьим интересам оно служит?

Один из выводов, напрашивающихся по ознакомлении с настоящей книгой, необходимо подчеркнуть особенно четко. Опыт дехристианизаторов великой французской революции показывает, что одними голыми принудительными мерами религию и церковь победить нельзя. В течение многих веков своего существования церковь сумела крепко утвердиться в сознании и быте людей. Церковь, унаследовавшая от прошлого огромный, прекрасно вышколенный отряд «ловцов душ человеческих», умеет использовать всякую возможность, всякую временную общественную усталость. Вот почему необходимым и самым действительным средством борьбы с церковью и религией является борьба с технической и экономической отсталостью, с гнетом и эксплуатацией, с невежеством, с общественной косностью. И у нас в СССР лишь тогда, когда каждый трудящийся делается сознательным, и активным строителем новой общественной жизни, когда крестьянин перестанет смотреть на икону, как «на орудие производства» и увидит в науке лучшее великое орудие своего освобождения от власти природы, - лишь тогда придет конец «духовной сивухе», как назвал религию В.И. Ленин.

Все примечания к данной книге исходят от Редакции «Атеиста».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во время французской революции христианство подверглось тяжелой опасности. Оно было потрясено и поколеблено бурным натиском революции, оно согнулось под ее напором и, может быть, оно было бы вырвано с корнем, если бы этот напор мог продолжаться.

Дехристианизация Франции, сначала под видом культа Разума, затем в форме культа высшего Существа, началась в 1793 г., на втором году Республики. Тогда прежде всего хотели защитить отечество и революцию. А в отношении отечества и революции священники вообще по всей видимости сделались врагами. Казалось тогда, что нельзя уничтожить священников, не свергнув их алтарей. Это свержение было делом революционного патриотизма, которое совершено было при содействии вольнодумческого движения, с давних пор вызванного нетерпимостью государственной религии, подогревавшегося и

и вдохновлявшегося философами вроде Вольтера. Деревенская масса, неграмотная и невежественная почти по всей стране, давала полную свободу действия дехристианизаторам с безразличием, которое почти позволяет думать, что эта масса, быть может, никогда и не была глубоко христианизована. Замечательно, что закрытие и осквернение церквей не вызвали ни одного серьезного движения, подобного тем, которые незадолго до этого возникли вследствие устойчивости и живучести некоторых феодальных прав, на которые посягнула революция. Можно задаться вопросом, не поставило ли бы продление террора, поскольку он имел дехристианизаторский характер, под удар, быть может, смертельный, католическую религию в частности и все христианство вообще, если бы успех в обороне отечества несколько запоздал, если бы победа - освободительница, вроде победы при Флерусе, явилась бы на несколько месяцев позже.

Недавно, в своих отдельных этюдах, я выражал несколько иное чувство. Мне казалось, что христианство было непоколебимо в сознании французов конца XVIII века. Но с тех пор я прочел больше документов. Ныне, когда мне, быть может, лучше видна вся совокупность фактов, я поражен той легкостью, с которой французский народ начал в 1794 году терять свои культовые привычки.

Эта опасная передрыга, которую переживало христианство со времени культа Разума и высшего Существа, является наиболее выдающимся эпизодом в истории французской революции.

Эпизоду этому предшествовала попытка совершенно противоположного характера, а именно попытка связать покрепче галликанскую церковь с государством: я понимаю гражданское устройство духовенства. За этим эпизодом последовал период свободы и обмирщения, продолжавшийся 7 лет, это - период отделения церкви от государства, которому положил конец Конкордат. Вот о чем я хотел рассказать в этой книге (со всей возможной краткостью, отмечая и связывая между собой только существенные факты).

Я говорю «христианство», в то время, как речь идет, главным образом, о католицизме. Однако, и обе протестантские церкви Франции, лютеранская и реформистская, оказались задетыми антирелигиозным движением 1793 и II гг. Именно все христианство, а не один только католицизм» стояло под ударами в этот момент, когда рождалась новая Франция.

Библиография настоящего вопроса необозрима. Я имею много предшественников. Наиболее известным из них является Эдгар Кинэ, который выпустил книгу, озаглавленную подобно моей «Христианство и французская революция». Однако, он подошел к вопросу с философской точки зрения, тогда как я подхожу с исторической точки зрения и даю рассказ о судьбах христианства в годы французской революции. Потребовался бы целый том, гораздо более объемистый, чем этот, чтобы перечислить все книги, сборники, всех авторов, даже если ограничиваться только теми, которые имеют какое-нибудь значение. В различных своих сочинениях, в которых я раньше затрагивал отдельные стороны вопроса, рассматриваемого сейчас в целом, в моей «Политической истории французской революции», в «Этюдах и уроках» (2-ая и 5-ая серия), в книге «Культе Разума и высшего Существа», я в примечаниях указал много источников. Главными моими источниками являются законы, большие собрания текстов, современные документы, опубликованные или неизданные. Я не читал всех этих документов, но то, что можно прочесть в продолжение человеческой жизни, я прочел. Много помогли мне некоторые современные сочинения, как, например, интересная докторская диссертация аббата Жиро относительно религиозной истории департамента Сарты во время революции или поучительная история маленького городка Бомон-дю-Перигор, составленная М.Л.Тестю: я там нашел

очерк религиозных верований крестьян двух провинций Франции. Я черпал также из драгоценных монографий Армана Ло, трактующих о протестантских церквях в годы революции.

Я пытался быть беспартийным. Я верю, что мне это удалось. Я избегал, поскольку я мог, гипотез, неопределенностей, смелых обобщений, слишком категорических утверждений. Это очень трудно, когда дело идет о религии.

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Перевод К. Шлишберга
Москва: «Атеист». 1925
Февраль, 1925 г. Париж

А. Олар

ГЛАВА I. ХРИСТИАНСТВО В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СТАРОГО РЕЖИМА и в НАЧАЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

I

В последние годы старого режима и в начале революции христианство во Франции находилось как-будто в полном расцвете

Религия католическая, апостолическая и римская была господствующей во Франции. Это была религия короля, который назывался христианнейшим королем. Это была религия нации, которую папы называли старшей дочерью церкви. Французы почитались исповедующими одну единственную религию - католическую. Религиозное единство, о котором так хлопотали Людовики XIV и XV, казалось осуществленным, и это было больше, чем голая видимость, так как нехристиан было во Франции очень мало, а не католиков тоже очень немного.

Нехристианами были иудеи: к ним относились терпимо, и они образовывали небольшие общины, жившие преимущественно на юго-западе, на востоке и в Париже, отдельные же евреи были рассеяны по многим городам. Существование иудеев, однако, нисколько не задевало религиозного единства Франции, так как их вовсе и не считали французами. Они не вели никакой пропаганды, они не были популярны, ни один из современных этой эпохе источников не называет католиков, которые расстались бы со своей религией и обратились в иудейство. Папы не боялись израильской религии. А в Карпантрасе они даже помогали иудейской колонии, способствовали ее росту.

Что касается протестантской схизмы, то большая опасность, которая с ее стороны угрожала галликанской церкви, как-будто миновала после отмены Нантского эдикта, после эмигрирования многих кальвинистов из Франции, со времени террора, который применялся еще при Людовике XV в интересах католической церкви и против схизматиков. Кое-что, однако, изменилось накануне революции. Со времени ноябрьского эдикта 1787 года французский гражданин приобрел право открыто называть себя протестантом. Не-католики, таким образом, получили некоторую легализацию. Но все же протестанты отнюдь не получили полной свободы исповедания, они не могли отправлять свой культ публично, их ересь официально считалась как бы позором, который терпели, но скрывали, или вернее, который только тогда и терпели, когда его скрывали. Единство галликанской церкви казалось непоколебимым.

Какова же была численность этих французских кальвинистов? Мы не имеем серьезной статистики по этому вопросу. Вольтер говорит о ста тысячах семейств, Кондорсэ - о миллионе человек, другие о пяти или шестистах тысяч. Число это, повидимому, приближается к действительному, несколько превосходя его. Ибо официальная перепись 1802 г. дает в общем 479312 протестантов для всей территории старой Франции. Протестанты жили, главным образом, в тех южных и западных провинциях, где они когда-то господствовали. Существовали они и в больших городах, особенно в Париже. Среди них было мало крестьян, мало мастеровых: это была аристократия ума и богатства.

В тех умственных кругах старорежимной Франции, которые мы бы назвали либеральными, там, где читались писания «философов», там, где сознательно или бессознательно подготавливалась революция, - протестанты расценивались не только как жертвы деспотизма, но и как носители подлинной евангельской морали или как своего рода христианские рационалисты: этим кругам казалось, что помощь и содействие протестантам - это один из способов борьбы с деспотизмом церкви и обуздания его. Эти чувства проникли даже в королевскую политику. Замечательно, что Людовик XVI, и это было знаменем времени, дважды ставил во главе своего правительства кальвиниста Неккера. Будь Неккер французом, его кальвинизм казался бы шокирующим для звания первого министра. Но иностранное происхождение женева Неккера сделало приемлемым его кальвинизм в это время, когда патриотизм не носил столь исключительного характера, какой он имеет ныне. Однако, кальвинизм Неккера был все-таки заметен, а, между тем, я не вижу следа какого-либо протеста со стороны духовенства против того, что король для спасения государства, находящегося в опасности, призвал еретика. Неккер, бывший предметом народного энтузиазма, правда, не в качестве еретика, а в качестве врага, а затем и жертвы деспотизма, своим пребыванием у власти благоприятствовал росту престижа протестантизма, не задевая и не колебля, однако, нисколько в сознании народа весьма величественно выглядевшего внешне религиозного единства Франции.

В королевстве была одна провинция, покоренная, однако, едва сто лет назад, где царил свобода совести, где при короле «ересь» мирно жила с истиной бок-о-бок, иногда даже в одних и тех же храмах. Это был Эльзас, где лютеране (в количестве 220000 приблизительно против 450000 католиков - по Рудольфу Рейсу) имели право свободного богослужения, где они, действительно, свободно отправляли свой культ, где им приходилось защищаться только против придинок. Но Эльзас тогда еще не казался столь вросшим в государственный организм Франции, как это должно было казаться в 1790 году, когда во время федераций Эльзас добровольно слился с Францией. В Эльзасе вовсе не видели тогда исключения, нарушающего правило, и религиозное единство казалось цельным и нерушимым во Франции.

Галликанская церковь была когда-то охвачена достаточно шумными и горячими спорами по вопросам вероучения. В 1789 году янсенизм¹ и булла «Unigenitus» отнюдь не были забыты, разумеется, но о них уже не говорили больше. Существовали еще янсенисты, духовные или миряне, но они молчали. Они с удовлетворением должны были, видеть, как их смертельные противники иезуиты были лишены Людовиком XV права пропаганды, затем были ликвидированы папой в качестве организации. Споры эти, таким образом, утихли и церковь оставалась спокойной в своем единстве.

¹ ЯНСЕНИЗМ - учение, основоположником которого является голландский богослов Корнелий Янсений, епископ Ипрский. Он написал большое сочинение «Августин», в котором он объявил себя сторонником учения бл.Августина о благодати, о божественном предопределении, о ничтожности значения свободы воли в деле спасения. Учение это вызвало горячий отпор со стороны иезуитов, ибо, сводя на нет роль «добрых дел» для спасения, оно угрожало доходам церкви. Под влиянием иезуитов Сорбонна (парижский университет) осудила книгу Янсения, которую папа Урбан VIII признал еретической. Янсенизм, однако, нашел себе горячих приверженцев в Пор-Рояльском женском монастыре в лице Арно, Николя, Паскаля, ведших непримиримую борьбу с иезуитами. Полиция разогнала пор-рояльских янсенистов, что не мешало им иметь много сторонников среди духовенства и власть имущих. Иезуиты продолжали борьбу с ними и добились через Людовика XIV у папы знаменитой буллы «Unigenitus» (1713 г.), которая осуждала 10 положений книги янсениста Кенеля, посвященной кардиналу де-Ноайлю. Последний не принял этой буллы. Вокруг этой буллы загорелась жестокая борьба. Французские церковники разделились на «приемлющих» (буллу) и «неприемлющих». Янсенисты пустили в ход чудеса над могилой одного своего диакона, но чудеса эти приняли столь психопатический характер, что пришлось вмешаться полиции и разогнать так называемых «конвульсионеров», утверждавших, что на святой могиле происходят трясения почвы, вылечивающие калек. Борьба вокруг буллы «Unigenitus» продолжалась почти до самой революции. В 1752 г. архиепископ парижский отказал в разрешении грехов не подписавшимся под буллой, но парламенты так горячо восстали против этого, что папе пришлось одернуть своего слишком ретивого, агента. К «не-приемлющим» принадлежало значительное число епископов и очень много католиков, настроенных в пользу так назыв. «свобод галликанской церкви».

Единая и умиротворенная, мало задетая терпимостью, дарованной недавно французским протестантам (хотя она и жаловалась на это) или свободой, сохраненной протестантами Эльзаса, галликанская церковь являла глазам и умам современников блеск не знающего конкуренции величия.

Престиж галликанской церкви несколько не был умален в сознании народа тем фактом, что по отношению к королевской власти клир делился на две части: клир Франции и клир, названный иностранным. Клиром Франции считался тот, который находился в провинциях, входивших в королевство в 1561 году, и которые были представлены на тех «собраниях клира», где обсуждался вопрос о подати, причитающейся королю под именем «доброхотного даяния» и где авторитет, значение этого клира, проявлялись в его советах, обетах и представлениях. Иностраным клиром считался клир провинций, присоединенных после XVI века: Артуа, Фландрии, Эно, Эльзаса, Франш-Конта, Руссильона и Корсики. Он имел те же привилегии, что и клир Франции, те же чувства, ту же позицию или платформу, не только религиозную, но и политическую.

Если народное мнение совершенно не считалось с этим географическим разделением клиров, то оно различало в галликанской церкви белое и черное духовенство, ценя больше первое, чем второе, а среди белого духовенства - высший клир, богатый и высокомерный, и низшее духовенство, бедное и простое. Многие епископы были дворянами; многие кюрэ или викарии были выходцы из народа. Среди высшего духовенства действовали аристократические тенденции, среди низшего - демократические. Однако, связующие нити иерархии были крепки и заметны и среди белого духовенства. Расхождение мнений между низшим клиром и епископами или архиепископами могло быть только политическим или социальным, но никак не религиозным, и если и существовали отдельные священники, недовольные своими епископами, то весь этот огромный механизм в целом работал все же без перебоев.

Что касается черного духовенства, то оно находилось в состоянии упадка. Набор монашеских кадров шел слабо. Надежной статистики по этому вопросу не существует. Однако, имеются подробные цифры, дающие некоторое представление о том, как обстояло дело. Число монахов в различных бенедиктинских орденах упало с 6434 в 1770 г. до 4300 в 1790 году. Говорили об общем ослаблении дисциплины и нравственной распушенности среди черного духовенства. Комиссия черного духовенства, составленная из духовных и мирян, действовавшая с 1766 по 1780 г., повысила возраст для дающих обет монашества до 21 года у мужчин и до 18 лет у женщин. Она ликвидировала 9 орденов и этим ограничилась. Упадок продолжался. Росла также непопулярность монахов. Однако, это была своего рода неопределенная непопулярность, без ненависти не распространявшаяся на всех лиц монашеского звания. Картезианец¹, дом Жерль, займет, например, почетное место на картине Давида, изображающей клятву в «Jeu de Raume»².

Несмотря на этот упадок черного духовенства, галликанская церковь в своем целом представляла собой весьма! значительную величину.

В отношении папы и короля, Версаля и Рима, эта галликанская церковь, которую когда-то тянули в разные стороны две этих силы, чувствует себя ныне в состоянии равновесия, она как бы независима и от короля и от папы. С тех пор, как иезуитам пришлось прекратить свою деятельность, ультра-монтанизм³ стал менее воинствующим и французский клир стал придерживаться умеренного галликанизма. Режим Конкордата

¹ КАРТЕЗИАНЕЦ - монах, принадлежащий к картезианскому ордену, основанному св.Бруно в XI веке в Шартрезе (Франция). Орден этот отличался строгим уставом

² JEU DE RAUME - зал для игры в мяч при дворе французских королей. В этом зале депутаты третьего сословия собрались 20 июня 1789 г. после того, как обычное помещение для заседаний Штатов оказалось занятым войсками, и торжественно поклялись не расходиться, не дав Франции конституции. Этот жест оказался серьезным политическим ударом для контр-революционной придворной клики.

³ УЛЬТРАМОНТАНЫ - сторонники неограниченной власти римского папы в католической церкви Они противопоставляют себя сторонникам известной независимости местных национальных церквей от «святейшего престола» Название «ультрамонтаны» произошло от латинского «ultra montes» (за горами), ибо во Франции, где раньше всего утвердилось это течение, борющееся с «галликанизмом», требовавшим автономии «галльской церкви», оно вдохновлялось агентами из Рима, находящегося за горами (Альпами).

Это - богатая церковь, которая не состоит на жаловании у государства, которая живет со своих богатств. Она пользуется не только десятиной, легальным налогом, идущий в ее исключительное распоряжение, она пользуется не только пожертвованиями и даяниями верных: она владеет очень большим земельным имуществом, частью территории французского королевства. Какой частью - этого никогда, как следует, не знали. Церковь не хвастала своим богатством. При Учредительном Собрании (Конституанте), когда государство наложило руку на церковные имущества, существовали только общие исчисления ценности этих имуществ. Член Учредительного Собрания Рабо Сент-Этьен говорил, что церковь владеет пятой частью территории, а член того же Собрания Трельяр оценивал эти владения в четыре миллиарда. Относительно суммы церковных доходов депутаты Конституанты не достигли единомыслия. Таллейран оценивал ее в 150 миллионов, из них 70 миллионов от имуществ и 80 миллионов от десятины, Трельяр - в 200 миллионов, Шассэ - в 303 миллиона. Одно только знали превосходно, это то, что церковь была очень богата, и представление, преувеличенное или нет, которое существовало у всех относительно этого богатства, увеличивало влияние церкви накануне революции.

Популярность церкви от этого, однако, не увеличивалась. Правда, в упрек церкви ставилось не столько ее богатство, сколько дурное использование этого богатства. Бедность низшего духовенства, приходских священников, составлявшая резкую противоположность роскоши высших церковных иерархов, епископов и архиепископов, роскоши, принимавшей подчас наглый характер, производила скандальное впечатление своей, бросающейся в глаза, несправедливостью. Церковное имущество, поступавшее в ведение духовного лица в связи с его духовным званием, - называлось «бенефицией». Во многих приходах владельцы «бенефиции», пользовались бенефицией во всех ее формах, в виде ли десятины или дохода, вовсе не исполняя связанных с бенефицией церковных обязанностей. Их обязанности выполняли другие священники, викарии, или исполняющие должность священника, которые за это получали от владельцев бенефиций известный оклад, называвшийся «надлежащей долей». Вопреки нескольким королевским декретам, которые устанавливали минимум этого оклада в 400 ливров, примерно, многие священники, сидевшие на этой «надлежащей доле», получали ежегодно гораздо меньше минимума или даже существовали за счет благотворительности своей паствы, страдая, разумеется, от нищеты. Страдания эти сыграли известную роль в возникновении революционного настроения среди низшего духовенства. Они объясняют даже отчасти самый успех революции, успех, который был ускорен низшим духовенством. Объясняют они также в известной мере и те испытания, ту серьезную опасность, которым подверглось христианство в эту эпоху.

Это несправедливое распределение доходов не отражалось, однако, нисколько на богатстве и влиянии, которое галликанская церковь черпала в своем богатстве. Конечно, церковь не располагала этим богатством с полной независимостью, так как король имел право распоряжаться известным числом бенефиции и отдавать их своим кандидатам. В руках специального церковного лица, являвшегося королевским чиновником, находился особый так называемый «лист бенефиции», т.-е. список бенефиции, которыми распоряжался король. Эти назначения давали королю большое влияние. Государство этим самым вмешивалось в дела церкви и вмешивалось сильно. С другой стороны, владельцы консисториальных бенефиций, т.-е. тех бенефиций (епископальных или аббатских), назначение на которые производилось папой только после обсуждения в кардинальской консистории, обязаны были платить папе в виде так называемых «аннат», ежегодный оброк, в принципе равный половине годового довода с бенефиции. Эта отсылка денег папскому двору в Рим, которой революция положила конец, была всегда очень непопулярна. Сумма, которая, таким образом, выплачивалась папе, не была очень уж большой, она равнялась, быть может, трем миллионам в 1789 году, но от уплаты ее обычно уклонялись.

Это было уклонение, так сказать, национальное, историческое. Во всяком случае, несмотря на вмешательство государства в управление церковным достоянием, несмотря на платежи, которые причитались папе, галликанская церковь пользовалась достаточной финансовой автономией, а равно и достаточным богатством.

Нельзя преувеличить значительность того места, которое занимало тогда духовенство среди французской нации. Из трех государственных сословий оно было первым по рангу и почету. Пользовавшееся привилегиями во всем, оно было особенно привилегировано в вопросе о налогах. Освобожденное в принципе от всяких налогов, духовенство свободно и добровольно или, по крайней мере, с величественной видимостью свободы, соглашалось на «доброхотный дар» королю, дар, который обсуждался на периодических общих собраниях духовенства. Оно держало при короле генерального агента, который был как бы министром без портфеля. Он имел у себя, он один, списки духовного сословия. Число и блеск университетов галликанской церкви, количество и блеск ее благотворительных учреждений, ее богатства, ее привилегии, ее влияние, делали из нее, особенно, если брать ее в лице высшего духовенства, которое руководило ею и представляло ее, весьма могущественную и величественную силу.

III

А католическая религия, столь блестяще представленная галликанской церковью, - крепко ли она сидела в душе французского народа накануне революции?

Когда читаешь писания Вольтера, когда узнаешь, каким успехом они пользовались, легко может показаться, что вера слабеет во Франции при Людовике XV, при Людовике XVI. Все образованное общество, или почти все общество, двор, город, как тогда говорили, вся эта просвещенная и блестящая публика, которая олицетворяет Францию в глазах иностранца, - апплодирует нечестивым выходкам автора «Девственницы», его оскорбительным и издевательским выпадам против христианства, против его догм, церемоний и служителей. Неверие выставляется напоказ в тех кругах, которые читают. Молодые дворяне, вроде неудачливого кавалера де-ля-Барра, забавляются святотатственными выходками еще в середине века. Проповедники на кафедрах, епископы в пастырских посланиях, - только и жалуются на рост нечестия. Неверие стало прямо модой, модой, которой следует знать, особенно двор: благочестивый аристократ, даже благочестивый Бурбон, каким был Людовик XVI, кажется явлением странным, благочестие это поражает. Не философы создали это неверие, а, напротив, неверие это побудило философов писать в таком тоне против религии. Конечно, они делали это охотно и искренно, но они были бы менее смелыми, если бы они не имели перед, собой апплодирующую и возбуждающую аудиторию. Я не знаю, было ли высшее общество при Людовике XV и XVI более нечестивым, чем при Людовике XIV. Быть может, оно было даже менее нечестивым, поскольку в нем меньше слышно разговоров об атеизме и атеистах. Прочитав проповеди Боссюэ, «Дон-Жуана» Мольера, главу из Ля-Брюйэра о религии, нельзя даже сомневаться в том, что атеизм был более распространен во времена «великого короля», чем во времена Вольтера, деистическая философия которого была в моде у образованного общества. Если мы углубимся в историю Франции, то мы нигде, даже в годы настоящего средневековья, не найдем там эпохи всеобщего крепкого благочестия, овладевшего всем человеком, всем народом. Во Франции всегда было налицо фрондерское, сатирическое вольнодумство. Это зубоскальствующее неверие проявлялось даже у порталов церквей в гримасах стоящих там статуй, как оно проявляется и в старинных стихотворных сказках, в сатирической литературе.

ХРИСТИАНСТВО И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1789 – 1802

Перевод К.Шпицберга

Москва: «Атеист». 1925

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Французский народ не является благочестивым, каким слывет испанский народ, который, впрочем, кажется мне благочестивым в своей истории, быть может, только потому, что я плохо знаю эту историю.

Франция была тогда деревенской страной. Эти буржуа, эти городские мастеровые, эти люди, которые читали, разве л не были они небольшой кучкой в сравнении с огромной массой крестьян, массой неграмотной? Что же религия, « была ли она полным господином в сердцах крестьян при Людовике XVI? Сохранили ли крестьяне в этих деревнях, остававшихся без дорог, куда не проникало ничего нового, куда не доходили лучи городского разума, сохранили ли они то, что называлось обыкновенно верой их предков, сохранили ли они ее нетронутой и пылкой? Нам необходимо поставить себе этот вопрос и ответить на него, если мы хотим знать, каковы были шансы на успех в деревне у великой попытки дехристианизировать Францию, которая имела место во времена террора.

Да, следует поставить себе этот вопрос! Но нелегко на него ответить.

Однако, прежде всего, перед тем, как задаться вопросом, поколебалась ли вера французского крестьянства, пала ли она, охладилась ли ко времени революции, следовало бы, может быть, спросить себя: да были ли вообще предки того крестьянина когда-нибудь христианизированы в истинном и глубоком смысле слова? Можно ли думать, что когда христианство распространилось по Галлии, когда оно перешло из городов в деревни, что это было для деревенского населения тем обращением, которое обновляет человека? Или, может быть, христианство только образовало несколько искусственный и поверхностный слой над теми былыми верованиями крестьян, которые оно называло суевериями? При тех стараниях использовать местные обычаи, ничего не меняя в них, кроме имен, которые мы видим у христианских просветителей, мог ли французский крестьянин действительно почувствовать, что он переменял свою религию? Да и переменял ли он ее глубоко и по-настоящему? Всего несколько лет назад я присутствовал при погребении одного крестьянина в деревне, удаленной от центра Франции. Погребальная процессия сделала четыре километра до церкви и кюрэ, четыре километра, без признака христианства, она шла целых полтора часа медленным шагом, заполняя весь свой путь обрядами и жестами, которые, очевидно, древнее христианства и которые прodelываются единодушно всеми крестьянами, являясь бессознательным наследием далекого прошлого.

У меня создалось тогда впечатление, что в наших деревнях, удаленных от города (эта как раз была очень удаленной), христианство еще плохо приноровилось к древним обычаям и уже, наверное, никак не искоренило их.

Я совсем не хочу делать обобщений на почве отдельного случая, анекдота, хотя бы и аутентичного (я, ведь, в данном случае являюсь очевидцем-свидетелем). Я только осмеливаюсь задаться следующим вопросом: когда говорят о вере французского крестьянина, то следует ли под ней разуметь подлинную, христианскую веру, веру катехизиса в ее первоначальной чистоте, не примешивается ли здесь к христианству порядочная примесь из древних, предшествовавших христианству, верований?

IV

Но как бы там ни было, христианство это, чистое или загрязненное, вошло в привычки крестьянина. Если брать вещи во всей совокупности и обще, то можно без преувеличения сказать, что в 1789 году вера была более распространенной и живой в деревнях. Вера эта была соткана из привычки и дружбы.

Крестьянин любил этот низший клир, этих кюрэ, этих викариев, этих исполняющих должность священников, с которыми он находился в фамильярных отношениях и которые так же принадлежали к народу, как и он сам.

Мы имеем много доказательств этого дружественного отношения. Аббат Жиро, автор новой и очень поучительной докторской диссертации о «Религиозной истории Сарты с 1789 г. по IV год», изучил и показал нам эту дружбу в манской епархии. Соображения, которые он приводит, приложимы как-будто ко всей Франции.

Клир был популярен среди деревенского населения и этим он обязан был своей благотворительности, своей интеллектуальной культуре, которая ярко выделялась в невежественной среде даже тогда, когда она была весьма посредственной, кроме того, своим школам, хотя их число превосходило их качество, хотя крестьянин вообще не умел ни читать, ни писать

Значение и влияние духовенства в деревне обуславливались тем фактом также, что священники, без которых не обходились самые важные моменты в жизни крестьянина, рождение, свадьба, смерть, были одновременно и служителями культа и общественными должностными лицами. Это соединение так крепко внедрилось в быт, что даже после обмирщения актов гражданского состояния по закону 2 сентября 1792 года население Сарты продолжало избирать священников на должность чиновников, ведущих записи актов гражданского состояния, почти до половины II года.

Однако, прежде всего, деревенский кюрэ являлся насадителем гигиены, авторитетном советчиком в случае эпидемий, подателем первой помощи в такое время, когда в деревне было очень мало врачей.

Манские крестьяне были очень привязаны к служителям религии.

Аббат Жиро задается вопросом, вправе ли исследователь утверждать, что население Сарты было почти единодушным в исповедании католической религии, в исполнении ее обрядов, в соблюдении ее предписаний.

Термин «причастники», употреблявшийся для характеристики правоверных католиков, страдает неопределенностью и не говорит о действительной правоверности; Жиро собрал свидетельства священников, относящиеся, как к кануну революции, так и ко времени самой революции. Они говорят нам о наличии среди населения немалого количества людей, отнюдь не отличавшихся правоверием. Так, например, кюрэ из Туанье, в своем докладе по начальству, говорит, что еще до 1792 года часть его прихожан «усвоила скверную привычку уклоняться от приобщения св.тайн». Священник из Шанже указывает, что в его приходе небольшая группа лиц говееет только раз в году, а то и вовсе не говееет. В городе Мане много уклоняющихся от говения и причастия. В термидоре III года мировой судья кантона Бессэ отмечает, что наиболее усердные ныне католики в конце старого режима уклонялись от исполнения обрядов. Тем самым он показывает нам, что в 1789 году, в Бессэ были люди, отнюдь не отличавшиеся правоверием.

Несмотря на все законы против кабатчиков, в деревне встречаются кабаки, открытые и битком набитые во время богослужений. Посты соблюдаются все слабее и слабее. В своем пастырском послании от 1781 года манский епископ говорит: «Нарушение поста сделалось почти общим явлением. Бедный человек предоставляет соблюдение постов богачу, трудящийся - бездельникам, высокопоставленные лица пользуются своим званием, богачи своим богатством для того, чтобы отделаться от соблюдения постов. Заблуждение это приняло такие размеры, что в нем можно усматривать одно из наиболее ярких выражений испорченности нравов в этом королевстве. Бесполезно было бы искать среди нас постящихся. Их не найдешь в нашей среде».

Братства распались одно за другим. Так, например, священник из Шанже указывает, что в его приходе церковное братство начало распадаться с 1779 года вследствие роста «пьянства, нечестия, пристрастия к танцам».

Посвящения в духовное звание становятся все более редкими в манской епархии. В начале XVIII века средняя годовая цифра рукоположений равнялась 49, а уже в 1784-1788 гг. она была не больше 39.

Накануне революции во Франции, даже в деревне, было, повидимому, маленькое меньшинство неверующих, значительное меньшинство безразличных, и, если отправление религиозного культа было всеобщим, то все же было очень много исключений, наблюдалась своего рода вялость и нерегулярность у большого количества верующих. В итоге можно сказать, что накануне революции во Франции было недостаточно веры для того, чтобы попытка дехристианизации была абсолютно невозможной, и достаточно укоренившихся культовых привычек для того, чтобы такая попытка оказалась неудачной затеей, которая могла иметь успех только потому, что обстоятельства отвратили сердца народа от его священников.

Никто и не собирался тогда, в 1789 году, дехристианизовать Францию. Сам Вольтер, который в своих интимных письмах призывал к тому, чтобы «раздавить негодную», т.-е. церковь, для своего времени требовал лишь разрушения церковного деспотизма. Он сам думал, что для народа необходимо? сохранить религию, ту или иную, на то время, по крайней мере, пока он невежествен, т.-е. на весьма долгий срок. Таково было также мнение Бюффона¹ и философов. Руссо, который называет себя врагом философов, хотели только упростить христианство и вернуть его к духу первых его времен.

Открыто философы требуют не изменения, не разрушения католической религии, а только устранение ее гнета! Они требуют в формуле, пущенной в ход Монтэнем² еще в XVI веке, свободы совести, или, вернее, они требуют ее только в принципе. Хотя они и видят образец применения этой свободы в Голландии, хотя эта свобода совести фактически осуществляется в одной из провинций французского королевства, философы все же публично твердят лишь о терпимости. Что такое терпимость? Это - позиция религиозной истины перед лицом заблуждения. Будем добрыми, снисходительными к людям, которые ошибаются, не будем их преследовать, учинять над ними насилие. Вот что такое терпимость. А свобода совести - это предоставление всем лицам равного права думать все, что каждому из них угодно, исповедывать любую религию или не исповедывать никакой, тогда как правительство остается нейтральным, посторонним в отношении всех религиозных исповеданий. Одним словом, светским. Эта вот свобода совести была совершенно очевидным заключительным выводом философии XVIII века; тем не менее, философы не требовали ее, или, по крайней мере, не требовали категорически.

Вольтер отнюдь не предлагает для ближайшей эпохи отделения церкви от государства. Если в одном своем частном письме он превозносит ту идеальную эпоху, когда правительство будет интересоваться манерой богослужений не более, чем способом приготовления кушаний, он в публичном сочинении пишет: «Хотите вы, чтобы ваша нация наслаждалась могуществом и миром? Пусть государство повелевает религии».

Что касается религии, то ее следует очистить, упростить, но особенно нужны добрые священники, которые бы скорее служителями морали, чем богословами. Это очищение и упрощение религии может и должно произвести только государство. Далекие от желания отделить церковь от государства, - философы, напротив, хотели соединить их более тесно, чтобы государство могло приказывать религии, руководить ею. Для них религия государственное дело.

Один из наиболее влиятельных и воинствующих вольнодумцев укрывался тогда еще под сутаной: я имею в виду аббата Рейналя³. В 1780 году он писал: «Мне кажется, что

¹ БЮФФОН, ЖОРЖ-ЛУИ ЛЕКЛЕРК (1707-1783) - знаменитый французский естествоиспытатель, автор «Естественной истории животных» и «Общей естественной истории», один из предшественников современного естествознания. См. в нашей библиотеке: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#buff>

² МОНТЭНЬ МИШЕЛЬ (1532-1592)- знаменитый французский философ-скептик. В своем сочинении «Essais» (Опыты) Монтэнь, выдавая себя внешне за доброго католика, тем не менее подверг сомнению самую способность человека что-либо знать (знаменитое Que sais-je - что я знаю?). Он издевался над представлением, будто ничтожный человек является целью и царем творения. В морали для Монтэня все так же относительно, как и в религии. Все дело в привычке. «Мы - христиане подобно тому, как мы французы или немцы». Понятия «добра» и «зла» созданы человеком. Действительность не имеет отношения ни к тому, ни к другому. Монтэнь остроумно высмеивает всякий антропоморфизм, всяких богов, созданных по образу и подобию человеческому. Если принять во внимание эпоху, в которую жил Монтэнь, то приходится видеть в его «Essais» революционное явление для умственной жизни Зап.Европы, которая тогда находилась еще во власти христианской схоластики.

³ РЕЙНАЛЬ, ГИЛЬОМ, АББАТ (1713-1796) - историк и философ, проявивший себя до революции, как ярый вольнодумец, но затем в 1791г. Отрекшийся от собственных убеждений. В 1770 г выпустил большой труд «Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» выдержавший множество изданий. В этом произведении: он яростно нападал на «фанатизм», на историческое христианство и вообще на веру в бога Рейналю пришлось даже покинуть Францию. В 1789 г. он вернулся во Францию Он был весьма состоятельным человеком. состояние свое он нажил, по уверениям некоторых современников работоторговлей или даже торговлей живым товаром. В 1791 г он вдруг обратился в Национальное Собрание с посланием, где былой тираноборец, потрясатель тронов и алтарей, ополчался против революции и доказывал необходимость сохранения трона и церкви. Клоотц и Шенье (Андрэ) в пламенных памфлетах заклеили этого просветителя-рenegата.

государство создано для религии, а религия для государства - вот первый принцип. Общественный интерес является мерилем всего, что должно существовать в государстве - вот второй принцип. Только народ или верховная «власть, являющаяся доверенным лицом народа, может судить в соответствии каких бы то ни было учреждений общественному интересу - вот третий принцип».

Он приходит к заключению, что государство имеет право «запретить культ, заменить его новым или вовсе отказаться от культа, если только это кажется ему необходимым».

Рейналь не требует, чтобы государство использовало это право, но он прокламирует его с намерением еще туже стянуть связь между церковью и государством, придать этой связи характер подчинения религии государству. Он пишет: «Государству принадлежит верховная власть над всем. Различение светской власти от духовной является совершенно очевидной нелепостью. Нельзя и не должно иметь никакой иной юрисдикции, кроме светской, везде, где приказывать и защищать следует правительственной власти».

Из всех этих философов тот, чьи идеи больше всего, быть может, принадлежали будущему, - Кондорсе¹, прекрасно чувствовал, что отделение церкви от государства, являете подлинным режимом свободы. В 1786 году он писал: «Так как культ необходимо является результатом религиозных убеждений, судьей которых для каждого человека может служить только его совесть, то казалось бы справедливым, чтобы расходы по отправлению культа добровольно брали на себя те, которые верят тем мнениям, на которых этот культ основан». Однако, он прибавляет: «Не менее справедливо и то соображение, что раз народ привык, к тому, чтобы расходы по отправлению культа брались на счет государства, чтобы наставниками его служили священники, что опасно и даже как-то несправедливо в таком случае оскорблять народные привычки слишком резкой и внезапной реформой. Это именно один из тех случаев, когда для того, чтобы поступить справедливо, повинуюсь голосу истины, следует подождать, пока общественное мнение выскажется за реформу». Мы видим, что сам Кондорсе, этот смелый предтеча будущего (который не был, впрочем, тогда одним из крупных властителей дум), ратует за отделение церкви от государства только в теории. Он откладывает практическое осуществление его на неопределенный срок и покоряется надолго тому, что являлось тогда государственной религией. Что же касается того, что мы называем «обмирщением», неологизмом, которому не больше 50 лет от роду, то я отнюдь не говорю, будто философы не имели представления об этом. Несомненно только, что они тогда, накануне революции, не требовали установления светского режима в том его виде в каком он, в конце - концов, был установлен Конвентом.

VI

Наказы (*Cahiers de doléances et de vœux* - «Книги жалоб и пожеланий»), которые были выдвинуты третьим сословием в 1789 году, еще менее смелы и требовательны в вопросе религии.

Я не нашел там ничего, кроме нескольких пожеланий реформы, или роспуска религиозных орденов, ничего кроме встречающегося то тут, то там галликанизма и притом какого умеренного! Встречаются там также жалобы на богатство и роскошь высшего духовенства. Там не требуют никаких крупных реформ, указы не требуют даже передачи светской власти записи актов гражданского состояния. Даже религиозная терпимость редко упоминается в наказах третьего сословия. Лишь в наказе нимского сенешальства, составленного, несомненно, под протестантским влиянием, я нашел ясно выраженное пожелание свободы мысли: «Надо скачать относительно свободы мысли, что нет ничего более достойного мудрости его величества, чем разрешение свободы исповедывать всякую религию, основанную на святой морали. Это единственное средство просветить людей и привести их к добродетели. Дело это мудро начато ноябрьским эдиктом 1787 года, но начало это ждет своего завершения».

¹ КОНДОРСЭ, АНТУАН-НИКОЛЯ (1743-1794) - знаменитый философ. математик, бессменный секретарь французской Академии Наук в годы автор замечательного труда «*Esquisse dun tableau historique des progres de l'esprit humain*». (Набросок исторической картины прогресса человеческого ума), в котором обосновывается и развивается понятие прогресса. Кондорсе примыкал к жирондистам, будучи одним из самых левых среди них и являясь искренним республиканцем. Во время террора Кондорсе, чтобы избежать эшафота, отравился. См. в нашей библиотеке: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#cnd>.

Однако, в других наказах, там, где третье сословие говорит об эдикте в пользу протестантов, оно делает это скорее для того, что напомнить о необходимости ограничиться этим и оставить католичество исключительной государственной религией. Так, например, третье сословие сенского округа выражает свою крепкую привязанность «к религии католической, апостолической и римской и свое желание сохранить за ее культом исключительное место во всем королевстве, при сохранении, однако, декларации короля от ноября месяца 1787 г. в пользу не-католиков». Даже в Париже третье сословие хочет только гражданской терпимости. «Христианская религия, говорит оно, предписывает гражданскую терпимость. Всякий гражданин должен пользоваться полной свободой совести. Общественный порядок допускает только господствующую религию». В Орлеанском округе много таких наказов, которые требуют, чтобы католическая религия была господствующей или даже пользовалась исключительными правами. Третье сословие в Шенжи требует, чтобы «мертвое молчание встретило того сектанта, который осмелился бы предложить нечестивую терпимость под предлогом свободы, которая рано или поздно могла бы сделаться противной спокойствию нации и счастью ее короля». «Да не будет позволено впредь, государь, возбуждать сомнения относительно вашей веры, а равно и насчет обязательного по отношению к вам повиновения. Католическая религия является господствующей во Франции. Она достигла этого, следуя своим первоначальным заветам во всей их чистоте. Основой этого положения является свобода галликанской церкви».

Итак, можно утверждать, что в 1789 году сторонников обмирщения Франции было не больше, чем республиканцев. Однако, так же, как республиканская атмосфера образовалась тогда, когда французы и не думали еще разрушать монархию, так же атмосфера вольнодумства образовалась тогда, когда французы не думали еще ни разрушать религию, ни даже изменять ее догмы, когда они своими требованиями, проникнутыми умеренным галликанизмом, добивались только ослабления деспотизма католической религии и сохранения того, что тогда называлось свободами галликанской церкви, т.-е. относительной независимостью от папского престола.

ГЛАВА II. ГРАЖДАНСКОЕ УСТРОЙСТВО ДУХОВЕНСТВА (1790-1793 гг.)

I

Революция началась при содействии; католического духовенства, особенно низшего. Этот факт, иногда забываемый, достаточно важен для того, чтобы напомнить о нем со всей выразительностью.

В Версале, в Генеральных Штатах, во время борьбы третьего сословия с первыми двумя привилегированными по вопросу о проверке полномочий, когда дворянство отказалось от поголовного голосования и выделилось в отдельную палату, духовенство не хотело выделиться в самостоятельную палату. Оно выжидало, лавировало, оно не высказывалось против третьего сословия, против революционной идеи соединения сословий. В конце-концов, оно в большинстве своем весьма торжественно примкнуло к третьему сословию, к революции.

Все этапы этой борьбы сословий в Генеральных Штатах привлекали общественное мнение, все следили за ними с величайшим интересом и, волнением.

Первый жест имел место 13 июня 1789 года. Третье сословие, уставши от безрезультатных переговоров, решило приступить самостоятельно к общей проверке полномочий, обратившись предварительно с призывом ко всем депутатам. Лишь депутаты третьего сословия откликнулись на этот призыв, как вдруг 13 июня трое священников из Пуату, имена их - Лесэв, Балляр, Жаллэ, явились, чтобы присоединиться к третьему сословию. Они были встречены с единодушным порывом признательности, с шумным энтузиазмом. Это была сцена братания. На завтра, 14-го июня, явилось шесть новых священников, и в то же время стало известно, что около ста священников собралось отдельно от духовного сословия. На своем совещании они постановили присоединиться к третьему сословию. Только интриги и тайные угрозы высшего духовенства мешали им тотчас осуществить свое решение.

Терпеливо выжидая и работая внутри своего сословия, они добились большего, и, в конце-концов, сословие их большинством в несколько голосов проголосовало присоединение к третьему сословию 22-го большинство это, действительно, присоединилось к третьему сословию, имея в своей среде несколько епископов во главе Лефрана-де-Помпиньян, вьеннского архиепископа. Третье сословие к этому времени провозгласило себя Национальным собранием, и именно к Национальному собранию присоединилось ныне и большинство духовенства. Президент Бальи сказал в своем приветственном слове: «Франция благословит этот; памятный день; она занесет их имена на скрижали отечества». А один депутат, который был уже достаточно влиятельным в то время, Тарже, объявлял «этот день, который Провидение хотело сделать особенно памятным и торжественным, превратив храм религии в храм отечества».

Этот новый язык, эти новые чувства, эта новая манера ставить религию отечества рядом или даже над старой государственной религией уже указывают на рождение нового культа, который будет религиозной формой революционного патриотизма, который всего через год, во время федераций, будет иметь свои алтари. Выражая свою признательность духовенству, патриоты даже не замечают, что в тот самый момент, когда они больше всего превозносят служителей религии, они самую религию отодвигают на второй план, а служители религии, охваченные новой, жаркой и патриотической атмосферой, замечают это еще меньше патриотов.

Во время королевского заседания 23-го июня, когда третье сословие не подчинилось королю, многие члены духовного сословия остались верны третьему. 24-го июня, когда неподчинение вылилось уже в законченную форму, большинство духовенства осталось на своих местах в Национальном собрании, и это смелое поведение не осталось, наверное, без влияния на короля, который решил уступить, и 27 июня 1789 года повелел трем сословиям окончательно соединиться.

Итак, вначале революции низшее духовенство выступает рука-об-руку с третьим сословием. Куда как легче стало действовать третьему сословию при этом драгоценном могущественном содействии! Без священников революция, может, и была бы сделана, но гораздо позже и совсем по-иному. Революционеры долго хранили в сердце своем горячую признательность в отношении этих священников, Да и само католичество извлекло пользу из этой признательности, которая выражалась в неизменном почтении и уважении к нему со стороны Национального собрания, в отсутствии антирелигиозных шуток и выпадов в памфлетах и патриотических газетах того времени.

II

Члены Учредительного собрания в этом, 1789 году, касались религиозных вопросов лишь настолько, насколько можно было это делать, не раздражая низшего духовенства, Которое имело такие заслуги пред революцией.

Первый удар устройству галликанской церкви был нанесен в ночь 4-го августа декретом, который упраздняет в принципе, а по отношению к некоторым пунктам и в действительности, феодальный режим и феодальные права.

Пятый параграф этого декрета, окончательно отредактированный 11-го августа упраздняет всякого рода десятины и оброки, заменяющие их, предписывая, однако, чтобы они продолжали взиматься до тех пор, пока Национальное собрание обсудит «меры для того, чтобы другим путем изыскать средства на отправление божественного культа, на содержание служителей алтаря, на поддержание бедных, на починку и восстановление церквей и церковных домов, на расходы по всем учреждениям, школам, семинариям, коллегиям, госпиталям, общинам и т.д., на содержание которых эти десятины и оброки предназначались». Параграф 8-й упразднял случайные доходы сельских священников, но с тем, чтобы были увеличены «надлежащие доли» (*portions congrues*) и содержание викариев, а в отношении городских священников было принято постановление «фиксировать их содержание». Параграф 12-й запрещал на будущее время досылать в Рим «какие бы то ни было оброки в виде аннат или какого бы то ни было другого взноса».

Параграф 13-й упразднял все привилегии епископов, прелатов, капитулов и т.д., а параграф 14-й требовал, чтобы доход от бенефиции у высших клириков не превышал 3000 ливров.

Все эти меры, очень неприятные для высшего духовенства и папы, были, напротив, более чем успокоительны для низшего духовенства. В то же самое время, в том же декрете, в котором содержится целая революция, Национальное собрание дало блестящее выражение своего глубочайшего благоговения пред католической религией, под покровительство которой отдавался самый декрет, призванный служить «счастью Франции». Национальное собрание в этом декрете постановило, чтобы в ознаменование ночи 4-го августа была выбита особая медаль и «во всех приходах и церквях королевства» исполнялся специальный гимн (Te Deum¹). Короля упросили разрешить исполнения этого гимна (Te Deum) в его часовне в присутствии всего собрания.

Национальное собрание, таким образом, торжественно сохранило тогда за католичеством его место государственной религии, единственной национальной религии. Несколькими неделями позже явилась декларация прав человека и гражданина. Собрание провозглашало в ней отнюдь не свободу совести, которую осуждало всегда учение церкви, а только терпимость. Вот относящийся сюда пункт декларации: «Никто не должен подвергаться преследованиям за убеждения, даже религиозные, если только их проявления не смущают порядка, установленного законом». Два слова «даже религиозные», показывают, что собрание считало свободу в области религии более опасной, чем в области политики. Оно говорило, таким образом, не столько языком свободы, сколько языком терпимости, однако, это была терпимость широкая, гораздо более широкая, чем та, которую допускал эдикт 1787 года в отношении протестантов. Им не запрещалось больше формально публичное отправление их культа, и оно, действительно, приняло почти публичный характер. Наказы, отнюдь не требовали этого. Однако, в этом пункте, как и во многих других, собрание, подталкиваемое событиями, подстегиваемое борьбой, уходит дальше наказов, не доходя, однако, до того, до чего доберется революция впоследствии, во времена террора.

Духовенство, как низшее, так и высшее, нимало не протестовало против этой терпимости, широта которой должна была бы его все же раздражать, да и вкус к свободе настолько окреп в этой борьбе за свободу, что всякий протест против какого-нибудь пункта декларации прав вызвал бы всеобщее возмущение.

Актом, которым Собрание против воли положило начало религиозной войне, был декрет от 2 ноября 1789 года, в котором Собрание для того, чтобы выпутаться из ужасного финансового кризиса, объявило, что все церковные имущества передаются в распоряжение нации. Но, вместе с тем, Собрание подчеркнуло весьма предусмотрительно обязанность государства «соответствующим образом обеспечить расходы по отпращиванию культа, содержанию причта и вспомоществованию бедным». Чтобы обнадежить низшее духовенство и сохранить для революции его содействие и сочувствие, Собрание в этом же декрете объявило, что в установлениях, имеющих быть выработанными относительно содержания служителей религии, содержание это может быть обеспечено доходом, который должен быть ни в коем случае не меньше 1200 ливров в год, не считая квартиры и «садов, к ней прилегающих. Для низшего духовенства это создавало перспективу подлинного достатка взамен прежней нищеты. Для высшего духовенства это было резкое уменьшение доходов, которое лишало его прежней роскоши, а по его мнению, и престижа. Именно с этого момента высшее духовенство почти целиком бросилось на борьбу с революцией. Именно здесь, особенно еще после того, как декрет 19 декабря 1789 года предписал произвести продажу на 400 миллионов церковных, имуществ (а также имуществ короны), именно здесь, в этих двух декретах от 2 ноября и 19 декабря 1789г., заключены истоки гражданской религиозно–политической войны, которая поставила пред смертельной опасностью сначала новую Францию, а затем и старую религию.

¹ TE DEUM - благодарственное песнопение у католиков, начинающееся со слов «Te Deum laudamus» (Тебе, бога, хватим).

III

К этой старой религии Учредительное собрание относилось, таким образом, как к государственной религии. Но чем дальше уходила вперед революция, чем крепче утверждались на практике Права Человека, тем нелогичнее казалось такое отношение Конституанты к католичеству.

Нелогичность эта обнаружилась, когда 12 апреля 1790 г. дом-Жерль потребовал от своих коллег по Учредительному собранию декрета, в котором было бы объявлено, что «католическая, апостолическая и римская религия навсегда пребудет религией нации и что ее культ является единственно публичным и полноправным». Предложение это столь соответствовало Наказам и тому чувству признательности, которое Собрание питало к «кюрэ-патриотам», что его, быть может, и проголосовали бы. Но в Собрании раздались требования о снятии этого предложения, причем успех этого контр-предложения указывает на изменение, происшедшее уже в сфере тех идей, которые мы называем идеями обмирщения. Нам приходится усмотреть как бы полупобеду «философии» в том, что Собрание назавтра, 13-го апреля, противопоставило декрету, предложенному картезианцем, своего рода исповедание католицизма, данное в следующих выражениях: «Национальное собрание, полагая, что оно не имеет и не может иметь никакого права заниматься вопросами совести и религиозных убеждений, что величие религии и должное уважение к ней отнюдь не допускают, чтобы она служила предметом обсуждения, что привязанность Национального собрания к католическому, апостолическому и римскому культу не может быть под сомнением с тех пор, как культ этот поставлен на первом месте среди реестра государственных расходов, с тех пор, как Национальное собрание в единодушном порыве благоговения выразило свои чувства единственным, соответствующим достоинству религии и характеру Собрания образом, постановляет, что оно не может и не должно обсуждать внесенное предложение, и переходит к очередным делам, касающимся церковных имуществ».

Сильное меньшинство (около 300 членов) голосовало против этого декрета, т.-е. за предложение дом-Жерля.

Собрание это, которое осмелилось отказаться от провозглашения католичества государственной религией, подчеркнув свою собственную приверженность к католичеству, сделало тогда, как нам кажется, лишь маленький шаг вперед по пути «обмирщения». Значительность оппозиционного меньшинства показывает нам, что шаг этот казался смелым для современников. Вскоре обнаружился и протест этого меньшинства, направленный одновременно и против продажи церковных имуществ и против отклонения предложения дом-Жерля. Часть галликанской церкви начала вопить о преследовании католичества не только на том основании, что нация наложила руку на ее имущества, но и в виду того, что за галликанской церковью отказались признать исключительное право на роль государственного культа, что ее отказались признать государственной религией.

Другие меры, принятые Собранием в отношении духовного сословия, должны были, не вызывая подобных чувств, все же вызвать беспокойство, как меры, направленные в ущерб религии. Это - постановления Собрания относительно черного духовенства. И в этом вопросе тоже Собрание зашло дальше наказов и заняло смелую позицию. 28 октября 1789 года оно постановило, что монашеские обеты упраздняются. В большом декрете от 19 февраля 1790 г. Собрание запретило уход в монастырь, упразднило все монашеские ордена и конгрегации. Члены этих орденов получили право свободного выхода из них: им давалась соответствующая пенсия (размеры ее были определены разными другими декретами). Тем же, кто отказались бы выйти из ордена, должно было быть указано соответствующее место жительства. Все это касалось мужчин. Монахини же могли оставаться там, где они жили до декрета. Что же касается Конгрегации белого духовенства, то в Собрании было много предложений относительно них, но Собрание по этим соображениям не высказалось.

Это упразднение черного духовенства не произвело особого впечатления, но оно сделало многих монахов врагами революции.

IV

Какова была позиция папы в отношении этой церковной политики Учредительного собрания? Вначале она была осторожной и выжидательной. Вначале папа как-будто опасается схизмы, его обуревают как-будто воспоминания об английской схизме почти так же, как несколько позже Людовика XVI обуревал воспоминания о трагическом конце Карла I. Папа не хотел возбуждать страстей. Если он и жаловался по поводу декрета от 4 августа 1789 года, то он не делал этого публично.

Следует подчеркнуть, что папа вскоре был очень раздражен и раздосадован оборотом дел в Авиньоне и Конта-Венессене. В народных волнениях, возникших в этих местах с начала революции, Пий VI совершенно резонно усмотрел движение, которое должно было кончиться присоединением к Франции этих папских владений. Члены Учредительного собрания, даже, если бы они этого хотели, не могли обнадежить на этот счет верховного первосвященника, не отказываясь от собственных принципов, раз население этих папских владений, французское по языку и быту, в большинстве желало присоединения к Франции Прав Человека. Такого рода чересполосицы не могло существовать в новом едином отечестве.

Само собой разумеется, что папа не мог питать особое расположение к революции, которая, выражая уважение к религии и церкви, все же отхватывала или собиралась отхватить у него целое королевство,

29 марта 1790 года папа осторожно (в речи, произнесенной на секретном заседании кардиналов), но твердо и четко выступил против церковной политики Учредительного собрания, которая нападает на самую религию и колеблет ее, которая узурпирует права апостольского престола.

Решительно, прямо противопоставляя одному учению другое, папа ополчается против самого духа французской революции, против декларации Прав Человека и Гражданина, которую он осуждает. Опасным кажется ему пункт, в котором говорится о том, что закон является выражением общей воли, что все граждане имеют право лично или через своих представителей участвовать в создании закона. Опасен этот пункт, по мнению папы, тем, что он предполагает, будто каждый должен повиноваться только тем законам, с которыми он сам согласен. Чувствуется, что в глазах папы декларация разрушает принцип авторитета, являющийся одной из основ церкви, и веру в божественное происхождение закона. Но особенное сожаление папа высказывает по поводу того параграфа, который говорит о том, что никто не должен подвергаться преследованиям за свои убеждения, даже религиозные. Он осуждает этот параграф, в котором утверждается свободы мысли даже в области религии, так что всем, кому угодно, разрешено незаконное распространение своих мыслей. Он негодует по поводу того, что на обсуждение был поставлен вопрос, должна ли католическая религия остаться господствующей (*dominatrix*) во Франции. Он негодует по поводу того, что не-католики (*acatholici*) допущены на муниципальную, гражданскую и военную службу. Он негодует по поводу того, что не хотят больше считаться со святыми монашескими обетами.

Что же должен делать папа? Он, мол, не знает, к кому во Франции теперь обращаться. К христианнейшему королю? Но он лишился своего королевского авторитета: его силой заставили санкционировать эти декреты. К епископам, к клиру? Но они запуганы, распылены. Папа, однако, не хотел бы предпринимать, мол, что-нибудь без совета короля и клира, из боязни вызвать схизматическое движение. Дальше папа, повышая тон, обрушивается на французскую нацию, которая «почти вся целиком, соблазненная призраком суетной свободы, покорно идет на поводу у какого-то Собрания философов, которые грызут и терзают друг друга».

Таким-то вот образом папа, то увещевая, то угрожая, становится с 29 марта 1790 года в оппозицию к французской революции.

Папа знает, что Учредительное собрание, помимо папы и против него, готовится большая реформа духовенства.

Оно поручило подготовку этой реформы специальному Церковному Комитету». Все его члены, кто бы они ни были, философы или янсенисты, являются галликанцами в духе старого роялистского галликанизма, в духе тех четырех пунктов, которые были приняты Собранием клира в 1682 г., которые призваны были ограничить права святейшего престола и усилить права короля. Церковный комитет с Камюсом, с Дюран-Майяном, с Трельяром, продолжал политику парламентов, которая стремилась подчинить насколько возможно церковь Франции государству и освободить ее, насколько возможно, от власти папы. Камюс в вопросе о правах церкви и государства, не отставал даже от аббата Рейналя. 1 июня 1790 года он заявил с трибуны Учредительного собрания: «Мы, разумеется, властны изменить религию». Он прибавил: «Мы этого не сделаем». Однако, подобные выступления, имевшие публичный характер и не встречавшие возражений, могли только поколебать в сознании народа исключительный авторитет католической религии.

Комитет, однако, отнюдь не имел в виду колебать авторитет католичества, а особенно касаться его догм. «Конституцию», которую Комитет этот разработал для духовенства, он назвал «гражданской» для того, чтобы подчеркнуть, что она совершенно не касается самой религии. Докладчик Мартино сделал самые консервативные заявления. Дело, мол, идет о том, чтобы «вернуть религии всю ее Действительность, все ее достоинство». Следует, мол, «построить учреждения на священной основе религии, на вере в высшее Существо, которое распределяет добро и зло, карает за преступление и возрождает добродетель». Он подчеркивает:

«Это религии вы, господа, главным образом, обязаны успехами своих трудов. Короли, подданные, гражданские и военные должностные лица, вы требовали, чтобы все торжественно поклялись быть верными королю, нации, закону, сохранять во всей ее полноте конституцию, которую вы учредили. Что вы этим сделали? Что вы показали этим? Торжественно объявили всем, что благо государства теснейше связано с религией. Ведь без религии присяга является пустым бессмысленным словом». План возрождения, который предлагается церковным Комитетом, «заключается, мол, единственно, в возвращении к учению первоначальной Церкви». Однако, все дело в том, что, хотя докладчик и не употребляет этих терминов, Комитет предложил национализировать католическую религию путем осуществления программы галликанизма, галликанизма самого радикального, а не того умеренного, которым были проникнуты указы и который в 1789 году разделялся большинством французского духовенства.

После долгих прений, излагать которые здесь немислимо, Учредительное собрание, голосованием 12 июля 1790г. приняло «гражданскую Конституцию духовенства».

Это, прежде всего, означало разрыв Конкордата. По этому поводу с папой не вели никаких переговоров. Король то вел с папой переговоры через Берни, своего посла при Ватикане, но Собрание не считалось с этими переговорами, а король санкционировал гражданское устройство духовенства 24-го августа, прежде чем переговоры кончились каким-нибудь результатом.

Основные черты гражданской Конституции духовенства заключались в следующем:

В смысле внешнего устройства церкви она возвращается к Прагматической санкции¹, установив следующие положения: на будущее время устанавливается лишь один способ назначения духовных лиц в епархии и приходы, а именно выборы. Однако, эта форма ныне гораздо более широка, чем во времена Прагматической санкции.

А л ь ф о н с О л а р

ХРИСТИАНСТВО и ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1789 – 1802

¹ ПРАГМАТИЧЕСКАЯ САНКЦИЯ - закон, действие которого, по мысли законодателя, должно было сохранять свою силу на вечные времена. Под таким названием известен ряд законов французских и иных западно-европейских королей. Здесь, разумеется, так называется буржская прагматическая санкция, изданная французским королем Карлом VII в 1438 г. Она утвердила выборность высших церковных иерархов, она запретила уплату аннат, она упразднила папские бенедикции во Франции, она вообще сильно ограничила авторитет папы для галликанской церкви. Санкция эта была отменена Людовиком XI в 1461 г.

Епископы выдвигаются избирателями департаментов, теми самыми, которые выбирают членов департаментского собрания. Священники выдвигаются теми самыми избирателями, которые выбирают членов окружного собрания. Таким образом, не-католики были допущены к выборам служителей католического культа. Грегуар предложил, чтобы избирателями были только католики. Его поправка была отвергнута. Однако, в «Конституции» предписывалось, чтобы при выборах, как епископов, так и священников, голосование производилось в воскресенье в церкви, «под конец приходской обедни, на которой будет предложено присутствовать всем избирателям».

Но это отнюдь не означало исключения кого-либо из числа избирателей. Избирательные собрания, как политические, так административные, тоже происходили в церквях. Являвшиеся на эти собрания граждане без различия религиозных убеждений частенько присутствовали перед голосованием на обедне, и это так вошло в быт и нравы населения, что вряд ли присутствие на обедне могло кого-нибудь отпугнуть.

Но из этого предписания следовало также, что каждый француз предполагался принадлежащим к католической церкви, и эта презумпция, которая так напоминала старый режим, не могла быть так уже неприятной духовенству: именно поэтому оно без сомнения лишь очень слабо протестовало против данного не-католикам права участвовать в церковных выборах. Однако, из этого же постановления следовало, что епископы и священники должны были избираться только цензовым голосованием, что в избрании их могли участвовать только активные граждане, из числа которых бедные были исключены, а это, ведь, отнюдь не соответствовало бывшим тогда в ходу идеям о восстановлении эгалитарного «первоначального» христианства.

139 епархий старого режима были сведены к 89 епархиям так, чтобы каждый департамент образовал собой епархию, чтобы в каждом департаменте была только одна епархия. Епископ получал каноническое поставление не от папы, а от другого епископа, носившего звание митрополита, а таких митрополитов было поставлено шесть.

Что касается священников, которые получали каноническое рукоположение от епископов, то число их было весьма ощутительно уменьшено: в каждой коммуне, не превышающей по числу жителей шести тысяч членов, должно было быть не больше одного прихода с одним священником, но зато уже в каждой коммуне обязательно должен был быть один приход с одним священником.

Содержание духовенства было принято на счет государства.

Порядок оплаты духовенства был разработан Комитетом десятинов. В своем докладе Шассэ указывает, что внутри самого Комитета один член требовал, чтобы оплата духовенства была возложена не на государство, а на приходы: «Нет, говорит Шассэ, культ является общественной службой, долгом всех граждан. Все почитаются имеющими потребовать в отправлении культа... Служители алтаря составляют духовную милицию, которая, подобно армии, оказывает помощь всем». Это все та же официальная презумпция, согласно которой всякий француз - обязательно католик.

Выработанные Комитетом оклады были весьма приличными для высшего духовенства и значительными для низшего клира. Епископы получали от 12 до 20 тысяч ливров, викарии кафедральных храмов от 2 до 4 тысяч. Священники в отношении жалования были разделены на 7 классов и получали от тысячи двухсот до четырех тысяч ливров (в Париже - 6,000), а викарии от 700 до 1200 ливров.

Это было огромным благодеянием для низшего духовенства. Пришел конец жалкой «portion congrue» (надлежащей доле), былому неравенству, былой несправедливости, былой нищете. Настала пора широкого достатка, появилась перспектива независимости и достойного положения.

В общем этот бюджет культов доходил до суммы приблизительно в 100 миллионов ливров.

Отношения между французским духовенством и папой были регламентированы пунктом, который проникнут радикальным галликанизмом, какого не было в наказах: «Новый епископ не должен обращаться к папе за получением от него конфирмации. Но он обратится к папе с посланием, как к видимому главе вселенской церкви, чтобы засвидетельствовать единство веры и то общение, которое он должен поддерживать с ним».

Такова была степень независимости галликанской церкви, организованной Учредительным собранием, таково было ее устройство.

Не стремясь к схизме, не очень ее опасаясь, Учредительное собрание выразило свои замыслы и намерения 21 января 1791 года в инструкции к гражданскому устройству духовенства, из которой следует процитировать один отрывок: «Представители французов, крепко привязанные к религии своих отцов, к католической церкви, у которой пала является видимым главой на земле, поместили среди государственных расходов на первом месте расходы по содержанию служителей церкви и по отправлению ее культа; они выразили свое уважение к ее догматам, они увековечили ее учение. Убежденные, что учение и вера католические имеют свое основание во власти более высокой, чем власть человеческая, они знали что не имеют права заносить руку, посягать на эту чисто духовную власть. Они знали, что сам бог установил эту власть, что он доверил ее пастырям, дабы они были водителями душ, дабы они давали душам ту помощь, которую обеспечивает единственно религия, дабы они могли непрерывно продолжать цепь служителей бога, дабы они просвещали человеческое сознание и направляли его». Но Собрание, мол, могло и имело право издать закон относительно гражданского устройства духовенства, закрепить в известной форме его отношение к политическому строю государства. «Ведь, в Конституции, которая имела своей основой равенство, справедливость и общее благо: равенство, которое призывает к исполнению общественных обязанностей всякого человека, заслуги которого делают его достойным свободного избрания со стороны сограждан, справедливость, которая для того, чтобы исключить всякий произвол, признает только такие решения, которые приняты обществом, общее благо, которое отмечает всякое паразитическое учреждение, ведь в такой Конституции невозможно было не упразднить множества учреждений, ставших бесполезными, не учредить свободных выборов пастырей, не требовать, чтобы во всех актах церковного благочиния было налицо общественное решение, которое единственно гарантирует в глазах народа мудрость тех постановлений, которым он должен будет подчиняться».

После того, как изменения в устройстве церкви были проведены, церковный Комитет Учредительного собрания, ревниво следил за соблюдением тех правил старой церковной дисциплины, которых Учредительное собрание не коснулось. У него даже была тенденция непосредственно и прямо разрубать все щекотливые и затруднительные вопросы, которые возникали в области дисциплины. Так, например, когда 10 августа 1791 года, аббат Бружиер, священник из Сен-Поля в Париже, запросил Комитет может ли он исполнить просьбу одного священника, который просит повенчать его, Ланжюинэ от имени Комитета ответил вышеупомянутому Бружиеру письмом, в котором он запрещал ему венчать священника. Таким образом, путем практического применения гражданской Конституции, путем провозглашения основных принципов этой Конституции, а, главное, путем перевода клира на государственное жалование, новый режим странным образом еще крепче старого связал церковь с государством, подчинив первую второму.

Это подчинение церкви государству, стало еще более заметным и чувствительным 27 ноября 1790 года, когда собрание выработало форму присяги, которую обязаны были принести все духовные лица, присяги на верность и повиновение гражданской Конституции. Однако, на практике это обязательство присягнуть гражданской Конституции должно было разрушить единение церкви и государства вызвав раздоры, явившиеся провозвестниками грядущей гражданской войны.

VI

Перед тем, как перейти к практическим последствиям гражданского устройства клира, следует отметить то новое чувство, тот революционный патриотизм, который развился ту самую эпоху, когда Учредительное собрание обсуждало и голосовало гражданское устройство, когда оно, как мы видели выше, всячески расшаркивалось перед католичеством. Этот революционный патриотизм занял как-будто первое место в сердцах французов, являя собой своего рода религию, более высокую и живую, чем старая.

Издавна французы любили свою страну и своего короля. Однако, столпы французской мысли в XVIII веке полагали, что, как выразился Ля-Брюйер при Людовике XIV, при деспотизме нет отечества. Отечество существует только у людей свободных, равных, объединенных братским чувством, только у народа, который сам управляет собой, образуя собой единую семью в семье остальных народов. Вот что такое революционный патриотизм.

Сформулированный более или менее четко философами этот новый патриотизм, проявился в том великом движении, проникнутом духом мятежа, освобождения и объединения, которое развернулось по всей Франции после взятия Бастилии. Свободные коммуны объединились в областные федерации, охваченные центростремительной силой, если можно так выразиться. Эти федерации вскоре слились в одну Национальную федерацию, которая 14 июля 1790 года в Париже, на Марсовом поле, торжественно присягала новому отечеству, отечеству единому, свободному и эгалитарному. И в этот же день во всех коммунах происходила такая же церемония присяги новому отечеству.

Слово «религия», быть может, единственно подходит для обозначения этого великого движения, проникнутого духом единения. Это была религия отечества. Она имела и свои алтари, алтари отечества. Эти алтари воздвигались в достаточно большом количестве во всех областных федерациях. Они служили центром всех торжеств Национальной федерации не только в Париже, в Лионе, но и во всех городах и селениях, которые фигурируют в прочитанных мной докладах Национальному собранию. Повсюду французы в этот день 14 июля 1790 г. собираются вокруг алтаря отечества. Этот алтарь, формы которого, весьма разнообразные» отнюдь не копировали католического алтаря, воздвигается; не в церквях (или воздвигается там в отдельных случаях), а под открытым небом, на общественной площади или на поляне. Именно на этот алтарь возносилась, гражданская присяга, у подножия этого алтаря ораторы славляли отечество.

Католическая церковь отнюдь не отсутствует в этих церемониях. Если почти все высшее духовенство отвернулось от них, то низшее духовенство присутствует на этих церемониях, участвует в них. Обычно оба культа, старый и новый, отправляются в этот день по очереди перед одной и той же публикой, которая идет сначала в церковь, чтобы присутствовать на обедне, а затем отправляется, часто в сопровождении священника, к алтарю отечества. Иногда случалось и так, что обедня отслуживалась тоже у алтаря отечества. Так именно было в Париже, где епископ Таллейран отслужил обедню на Марсовом поле у алтаря отечества.

Это участие духовенства в празднествах федерации» которое было повсеместным, а иногда принимало воодушевленный характер, позволяло думать, что католическая религия заключила теснейший союз с религией отечества, т.-е. революцией, и французы имели в этот момент удовольствие чувствовать себя одновременно и хорошими патриотами и добрыми католиками.

В действительности же это укрепление нового и живого религиозного чувства, отнюдь не усиливало католической религии, хотя совместные выступления старой и новой религии на время увеличили популярность духовенства. Католическая религия не была уже больше единственной хозяйкой области веры, ее авторитет и достоинство незаметно, может, для самих французов сильно упали в глазах селения. Живая и крепкая во всей своей свежести новая революционная религия отечества не только заняла в сердце француза более высокое место, чем старая религия: она взяла верх над нею, а, быть может, и поглотила ее.

Это явление, которое тогда не сознавалось, не отрывало французов от их родной религии, но все же незаметно для них самих делало ее менее дорогой и необходимой им, явление начало подготавливать исподволь то состояние умов, которое впоследствии позволило предпринять попытку христианизации, а затем и ввести на время светский государственный режим.

Одна областная федерация, а именно страсбургская, подала пример обмирщения, который удивителен потому, Эльзас был единственной провинцией во Франции, где свобода культов существовала еще при старом режиме. Пример этот важен и замечателен не только в виду своего юеобразия, но и потому, что и другие департаменты, даже;

Удаленные, даже бретонский департамент, соединились вокруг страсбургского алтаря отечества. Прежде всего, в Эльзасе установилось правило, что во время обедни «только католики обязаны были преклонять колени». Подобная формула свободы мною не обнаружена больше ни в одной Вдерации. Затем свобода совести была там символизирована 16 июля 1790 года на той же поляне, где эльзасцы воздвигли свой алтарь отечества, тремя обрядами крещенья, следовавшими один за другим. Католический аббат и протестантский пастор должны были по очереди крестить католического младенца, имевшего крестным отцом католика, крестной матерью протестанта, и протестантского младенца, имевшего крестным отцом протестанта и крестной матерью католичку. По окончании обряда крещения аббат и пастор должны были поцеловаться перед лицом народа. Таким именно образом была символизирована и почтена в этой «федераций Рейна», свобода двух христианских культов.

Но федерация не удовольствовалась этим уроком терпимости и дружбы. Она выразила свое почтение также и философии». «За религиозным крещением, сообщает доклад, последовал своего рода обряд гражданского крещения», религиозный алтарь был убран и его место заняли крестные матери с новорожденными на руках. Над головами их было развернуто знамя федерации. Крестные отцы принесли от их имени гражданскую присягу. Доклад говорит, что это» зрелище «оставило в душе впечатление, не поддающееся описанию». Этот жест возвещает уже почти культ Разума или культ высшего Существа, или, по крайней мере, религию отечества, претворенную в декадный культ.

Таким образом, уже в июне 1790 года на многочисленном собрании французов на берегах Рейна были оказаны смелые почести знамени свободы совести, а также знамени философии.

Эти явления, современные гражданской Конституции духовенства, противоречили ее принципам и целям. Они были первыми признаками нарождающегося нового порядка вещей, который больше соответствовал внутреннему чувству философов, неверию огромной части образованного общества, безразличию или холодному отношению некоторой части невежественного простонародья, рабочих и крестьян.

VII

Вернемся к гражданскому устройству духовенства и его последствиям.

10 июля 1790 года Пий VI писал Людовику XVI, отговаривая его от санкционирования Конституции, угрожая возможностью «жестокой религиозной войны» и жалуясь одновременно на авиньонские дела. После долгих колебаний Людовик XVI 24-го августа санкционировал гражданское устройство духовенства. Однако, папа, все так же раздраженный и осторожный, не торопился. Комиссия из кардиналов потихоньку изучала гражданскую Конституцию. Папа тянул до получения формального мнения по этому поводу французского епископата. Он очень скоро получил это мнение, но не от всего епископата, а только от тех епископов, которые были членами Собрания. 30-го октября появился печатный листок «Exposition des principes sur la Constituon du Clerge». Он был подписан кардиналом де-Ля-Рошфуко и 29-ью другими епископами-депутатами, голосовавшими против гражданской Конституции.

Основным положением его являлось утверждение, что гражданская власть не имеет права самостоятельно изменять церковное устройство: в этом деле необходимо участие самой церкви, и, разумеется, папы.

Эти епископы, которые, впрочем, впоследствии откажутся уйти в отставку, признают, что поставление епископов митрополитами, соответствует древнему уставу галликанской церкви. Однако, вот уже больше двух веков, как епископы Франции поставляются папой. «По какому такому соображению выходит так, что папа не должен быть запрошен по поводу прав, которые ему присвоены были законом»? По поводу выборности епископов они жалуются на то, что право голосования предоставлено всякому избирателю, лишь бы он присутствовал на обедне: «Следовало бы, мол, требовать, присяги и исповедания католической религии». Они отвергают выборность священников: «Нет такой католической страны, где бы назначение священников не Предоставлено было епархиальным епископам». Будучи умеренными галликанцами, эти епископы в тот самый момент, когда они защищают права папы, стараются вместе с тем точно определить эти права, при чем они дают это определение в духе проповеди Боссюэ о единстве церкви. Они признают гражданскую Конституцию раскольническим актом, гражданская власть не может «отказаться от необходимого сотрудничества церкви, не присваивая себе верховенства за вопросах чисто церковных, не насилуя духовной юрисдикции церкви. Именно в случае этого, отказа начался бы раскол, произошло бы разделение вселенской церкви, возникла бы другая религия. Не может быть, чтобы Национальное собрание захотело поддержать своей властью эту новую религию и подчинить ей нацию».

Тридцать епископов протестуют, прежде всего, против попытки гражданской власти упразднить юрисдикцию епископов, которые хотят ее сохранить. Ведь, это означало бы оставить все религии свободными «за исключением той, которая, имея поддержку в благочестии наших отцов, во всех законах государства и всегда господствуя, насчитывает XII веков непрерывного существования, - за исключением национальной религии».

В заключение они требуют созыва национального собора, а также провинциальных соборов. Они требуют «согласно древним правилам галликанской церкви, обращения к главе вселенской церкви». Они хотят, мол, избежать раскола. Они, мол, хотят «употребить все средства мудрости и милосердия, чтобы предупредить те волнения, результатом которых может оказаться столь нежелательный раскол».

10 марта 1791 года папа прислал кардиналу де-Ларош-Фуко, подписавшему первым «Exposition des principts» (изложение принципов) грамоту, в которой он указал, что перед тем, как высказаться, он хотел бы иметь общее мнение всех французских епископов, а не только 30 из них. Ясно, с другой стороны, что идея Национального собора вовсе не улыбалась папе: ведь это был все тот же галликанизм. Не подвергая еще Конституции формальному осуждению, Пий VI в этом послании жалуется и критикует.

Он настолько, мол, умерен, что не требует больше уплаты аннат (значит, он уже получил декрет от 4-го августа). Однако, эта жертва осталась, мол, без вознаграждения: папе «прискорбно было видеть, как некоторые члены Национального собрания зажигают, поддерживают и раздувают в Авиньоне огонь мятежа, которому мы никогда не перестанем противопоставлять права святейшего престола».

Что касается гражданской Конституции, то он признает ее противной, как догматам, так и уставу церкви, что вовсе не удивительно, мол, ибо Национальное собрание «только и думает, только и старается, чтобы разрушить религию, а вместе с ней и власть королей». Он протестует против разрыва Конкордата. Он называет святотатством» выборность епископов. Он жалуется, что протестантам оставляют их имущества, тогда как у католического клира их конфискуют. Он говорит, что государственное жалование унижает епископов, которых рассматривают, как наемников, что жалование это недостаточно. Он протестует против упразднения монашеских орденов. Однако, его заключение не является осуждением или анафемой. Он требует, чтобы французские епископы указали ему такое соглашение, которое не противоречило бы ни догматам, ни уставу церкви. Он говорит, что готов делать все возможное во избежание раскола.

В тот же день папа сообщил содержание этой грамоты Людовику XVI в письме, в котором выражал свою горесть по поводу этого жалкого королевства, «в котором ниспровергаются самые основы религии, заложенные нашим искупителем». 13-го апреля папа по поводу присяги послал епископам Франции другую грамоту, которая написана была в почти умеренном тоне, в которой он увещевал их не давать присяги.

Пий VI так и не получил никогда того общего мнения французских епископов, которого он требовал. Он осудил двух епископов Таллейрана и Ломени-де-Бриенна, которые присягнули. Он ограничился своими двумя посланиями и этим осуждением. Однако, во Франции и всюду два этих послания были приняты, как формальное осуждение гражданской Конституции. Разрыв был налицо. Папа отозвал своего нунция, который покинул Париж 31 мая 1791 года. Людовик XVI на место кардинала де-Берни назначил в качестве римского посла де-Сегюра, но папа отказался его принять. В Париже, в Палэ-Рояле, состоялось сожжение папского изображения. В действительности схизма была уже фактом.

VIII

Нельзя сказать, чтобы эта схизма была разочарованием для Национального собрания, которое уже с самого начала было почти готово на нее. Если только что и могло быть неожиданностью для Собрания, которое думало, что оно укрепляет единство галликанской церкви, так это то, что церковь эта тотчас же раскололась: одна часть ее осталась верной папе и отвергла гражданскую Конституцию, другая приняла Конституцию и принесла присягу.

В каком численном соотношении находились обе эти части? Полной статистики по этому вопросу не существует, лишь относительно епископов известно, что только четверо из них присягнули Конституции. Что же касается остального клира, то насчет него существуют лишь частичные сведения. В Национальном архиве, среди бумаг церковного Комитета, имеются списки присягнувших и неприсягнувших, составленные департаментскими директориями. Списки эти имеются для 43 департаментов. Саньяк изучил эту статистику. Он обнаружил, что в этих 43 департаментах было в общем счете 14047 присягнувших против 10395 неприсягнувших. При этом цифры очень резко различаются по отдельным провинциям. Так, например, в нижне-рейнской провинции было 8 процентов присягнувших, в верхнерейнской - 51 процент, на севере и в бретонских департаментах - 20 процентов, в департаментах Дофинэ и Прованс - 89 процентов, в варском департаменте - до 96 процентов. Различные монографии освещают вопрос и для других департаментов. Можно как-будто с большей или меньшей вероятностью утверждать, что присяга была принесена большей половиной французского клира, может быть, тремя пятими его. Однако, так обстояло дело вначале. Ибо речь идет о первом полугодии 1791 года. После послания папы, Многие отреклись от присяги. Сколько было таких отречений? Мы этого не знаем. Возможно, что после этих отречений численное соотношение изменилось в пользу неприсягнувших, которых называли также «ослушными», и к невыгоде присягнувших, которых называли «конституционными», что, в конце-концов, галликанская церковь раскололась на две почти равных части. Это было разочарованием и для папы, который в своем послании от 10-го марта счел возможным высказать предположение, что лишь весьма незначительное число священников присягнет Конституции, и для Национального собрания, которое надеялось, что вся галликанская церковь окажется на стороне нового порядка.

Широкое общественное мнение, мнение «патриотов», воинствующих революционеров, негодовало по поводу этого раздвоения. Было немало бурных народных попыток восстановить силу и единство галликанской церкви, так далека была еще масса от нашего понимания свободы совести. Борьба становится все более страстной. Папистские священники и их верные прослыли контр-революционерами, конституционные священники с их сторонниками, слынут еретиками, нечестивыми, хотя новый выборный клир нисколько не уступает послушному клиру, как в благочестии, так и в чистоте нравов. Можно даже утверждать, не становясь ни на чью сторону в этой расправе верующих, что конституционный епископат в смысле чистоты и простоты нравов превосходил многих епископов старого режима.

Распря между послушными и конституционалистами скоро приняла столь ожесточенный характер, что некоторые департаментские директории начали принимать против этого меры, превышающие их компетенцию. Так, например, директория Финистера, с согласия конституционного епископа Экспильи, предписала в апреле 1791 года послушным священникам убраться в восьмидневный срок на расстояние не ближе 4 лье от своих прежних приходов. Другие директории, назовем директорию Илль-э-Вилэн и Эн, последовали этому примеру.

IX

В Париже происходили в связи с этим расколом большие события. Неприсягнувшие священники служили, главным образом, в часовнях женских монастырей. Народ обвинял их в том, что они там агитируют против революции. В Париже имели место разные проявления грубой нетерпимости. Монахини подверглись публичным избиениям. Их обвиняли, говорит «Chronique de Paris», от 9 апреля 1791 г., в том, что они сами «пороли молодых девушек, которые по приказанию родителей исповедывались у священника, друга новых церковных законов». Газета эта прибавляет, что «подобные сцены происходят каждый день».

Директория парижского департамента в своем постановлении от 11 апреля 1791 года запретила доступ в часовни женских монастырей, а равно и в приходские церкви непосвященным священникам, но в то же время она установила самую настоящую свободу совести (что вызвало очень сильное возбуждение), разрешив последователям любого культа иметь свои храмы в частных помещениях, требуя лишь воздержания от всяких выступлений против Конституции, против законов или «установленных властей» и помещения снаружи над главным входом надписи, указывающей на назначение этого храма.

Католики-паписты, во главе с де-Пансемоном, бывшим священником из Сен-Сюльписа, послушным, сняли старинную церковь театинцев. Они получили разрешение на помещение следующей надписи: «Церковь частного общества, посвященная религиозному культу. Мир и Свобода». В день открытия этой церкви, 17-го апреля, произошла бурная враждебная манифестация, во главе которой стоял аббат Латиль, член Учредительного собрания и конституционный священник из церкви св.Фомы. С этой манифестацией нелегко было справиться. Левые газеты выступили против этой попытки установить свободу культов. В «Revolutions de Paris» мы читаем: «Народ оказался гораздо проникательнее в этом вопросе, чем те, которые им управляют: он почувствовал, что не должно быть двух культов в одной и той же религии». Однако, в это время начало вырисовываться даже в среде руководителей, в среде Учредительного собрания, либеральное течение. Аббат Сизэйс, член Учредительного Собрания, который одновременно был и членом парижской директории, являлся вождем этого движения. Конституционный Комитет Собрания назначил докладчиком по поводу постановления директории, вызвавшего столько шума, Таллейрана, сочувствовавшего свободе культов и даже тому, что мы называем обмирщением. Знаменательно, что именно к этому времени относится декрет от 4 апреля 1791 года, который в связи с необходимостью почтить умершего Мирабо преобразовал церковь св. Женевьевы в гражданский Пантеон, куда по декрету от 30-го мая был помещен прах Вольтера. Постановление директории Парижа, столь либеральное, и расформирование церкви св.Женевьевы ради праха самого антикатолического писателя XVIII века, являются весьма знаменательными событиями в истории религии, которая недавно была господствующей, и показательными, для той опасности, которой она теперь подвергалась. Доклад Таллейрана включает в себе некоторую реакцию против видов Учредительного собрания насчет единства католического культа и насчет права государственной власти насаждать и поддерживать это единство. Свобода совести, которой требует докладчик, это «свобода полная, целостная, и это реальное право, которое должно быть не менее ненарушимым, чем остальные права человека, которое достойно всяческого покровительства». Он отвергает, не говоря этого ясно, терпимость, провозглашенную Декларацией Прав в отношении убеждений, даже религиозных. Не будем говорить здесь о терпимости: это деспотическое (*dominairice*) выражение является оскорблением, его не должно существовать в языке свободного и просвещенного народа».

Гражданин может быть последователем любой религии, которая ему нравится, не переставая от этого быть подлинным гражданином». Таллейран договаривается до того, что король, если бы он хотел, мог бы исповедывать не ту религию, которую исповедует нация. Он называет католическую религию истинной, но для того, чтобы сказать, и не без иронии, что мы, мол, обеспечиваем ее торжество, «применяя только методы убеждения, показывая, что ей нечего бояться конкурирующих учений». Он несколько высмеивает Трельяра и янсенистов из церковного Комитета, «которые как-будто увидели в революции лишь великолепный случай для прославления покойников из Пор - Рояля». В заключение он предлагает и заставляет проголосовать, не без прений и энергичных возражений, либеральный декрет, в котором сказано, что принципы религиозной свободы, которыми проникнуто постановление директории, являются как раз теми принципами, которые Собрание признало и провозгласило в своей Декларации Прав. (Это совершенно неверно, как мы уже видели, но приходилось говорить так, чтобы не казалось, будто вносят поправки в новое евангелие революции). Собрание пошло даже дальше директории; оно объявляет, что отказ от принесения присяги не должен служить причиной отвода против какого бы то ни было священника в приходских церквях или в национальных часовнях и молельнях. Им, неприсягнувшим, запрещалось только произносить там проповеди: они имели право служить обедню, и только служить обедню. Да оно и в действительности немыслимо было разрешить неприсягнувшим проповедывать в это бурное время в приходских церквях.

Итак, мы видим, что эта свобода совести скорее получала вынужденное признание под напором обстоятельств у людей революции, чем являлась их искренним убеждением. В декрете от 7 мая 1791 года члены Учредительного собрания признали, скрепя сердце, с оговорками и ограничениями, но, в конце - концов, все же признали свободу совести. Это было большим шагом вперед по пути обмирщения.

X

Однако, общественное мнение парижского народа отнюдь не следовало декларациям Собрания. Население Парижа не слушало голоса единственного журналиста, который заговорил, наконец, открыто языком свободы и философии, я разумею Андре Шенье. Когда 2 июня 1791 г., в праздник Вознесения католики-паписты (мне кажется, что так можно называть тех, кто составлял паству неприсягнувших священников) хотели устроить богослужение в церкви театинцев, враждебно настроенная толпа помешала им это сделать. Напрасно Бальи, мэр Парижа, в публичном письме порицал эти насилия и проповедывал свободу культов: католикам-папистам пришлось отказаться от попыток собраться в церкви театинцев, которая оставалась с тех пор закрытой. Они были вынуждены отказаться от публичного богослужения, они отправляли свой культ частным порядком, почти тайком, в монастырских часовнях и молельнях.

А остальные культы имели ли какую-нибудь выгоду от декрета 7 мая 1791 года?

Этот декрет как-будто ничего не изменил в положении евреев. Терпимость, которая утвердилась в их отношении за последние годы старого режима, не превратилась тотчас же в свободу. Правда, узнав, что их подвергают преследованиям в Лотарингии и в Эльзасе, Учредительное собрание поручило своему председателю (28 сентября 1789 г.) написать муниципальным властям этих провинций, что Декларация Прав распространяется также на евреев и что они также находятся под защитой закона. Однако, это была лишь теоретическая декларация. 24-го декабря Собрание отказалось что-либо решать насчет гражданского состояния евреев. 28 января 1790 года Собрание признало, что португальские, испанские, и авиньонские евреи могут пользоваться правами активных граждан, однако, остальных евреев оно оставило в прежнем положении. Лишь в самые последние дни своей деятельности, 27 сентября 1791 года, Собрание отменило «все отсрочки, оговорки и исключения, имеющиеся в предыдущем декрете, в отношении тех лиц еврейского происхождения, которые принесут гражданскую присягу, каковая будет рассматриваться, как отказ от привилегий и исключений, установленных раньше в их отношении.

Что касается иудейского культа, то евреи имели в Париже в 1787 году несколько синагог. Они удовлетворялись им и во время революции. После декрета от 7 мая 1791 г., разнеслась молва, что они собираются покупать или снимать церкви: но они ничего подобного не делали. Осторожные и притаившиеся, они удовлетворялись той фактической терпимостью, которой они до этого уже пользовались.

А протестанты? После отмены Нантского эдикта и разрушения шарантонского храма, парижские лютеране собирались в часовне шведского правительства, а реформаты¹ - в часовне голландского посольства. Эдикт 1787 года дал им смелость восстановить свою церковь. Они взяли в пасторы капеллана голландского посольства, Маррона, внука французских эмигрантов. Они просили разрешить им вообще молитвенные собрания. Правительство колебалось, собирало справки и, в конце-концов, отказало под тем предлогом, что посольских часовен вполне достаточно для их собраний.

Во время революции лютеране продолжали как-будто довольствоваться, как при старом режиме, часовней шведского посольства.

Однако, реформаты, гораздо более многочисленные, получили, повидимому, в начале революции устное разрешение отправлять свой культ. С этой целью они сняли на улице Мондэтур зал одного ресторана, который они превратили в храм, освятив его 7 июня 1789 года. После принятия Собранием 13-го пункта Декларации, расширявшего религиозную терпимость, они задумали обзавестись более приличным храмом. Однако, один из своих, Рабо Сэнт-Этьен, разубедил их, говоря, что время для этого еще не пришло. Во избежание шума и сенсации реформаты оставались в своем скромном убежище на улице Мондэтур до февраля 1790 г. Их историк, Арман Ло, сообщает нам, что реформаты сняли на улице Дофина старинный зал «Детей Апполона», называвшийся Музеем. Декрет от 7 мая 1794 года придал им смелости. Они сняли церковь Сэн-Луи-дю-Лувр и устроили там свой храм, который был торжественно освящен 22-го мая. На фронтисписе храма по распоряжению пастора Маррона была выгравирована следующая надпись, одобренная директорией департамента: «Год Иисуса Христа 1791 и год II Свободы. Здание, посвященное частным обществом религиозному культу. Мир и свобода». Внутри храма знаки католического культа были заменены двумя мраморными плитами, на которых были выгравированы Декларация Прав и молитва господня.

В этом храме протестанты собирались публично без всяких посягательств на их свободу со стороны парижского населения, бывшего столь нетерпимым по отношению к католикам-папистам. Они встречали поддержку, благосклонное отношение, а подчас даже и содействие со стороны властей. Когда король принял Конституцию, они устроили 13 декабря 1791 года благодарственное богослужение в присутствии приглашенного ими муниципалитета, представленного двенадцатью должностными лицами и мэром Бальи. «Народу было много, говорит современный рассказ об этом богослужении: собралось много кальвинистов, а еще больше философов, жаждавших насладиться первыми плодами терпимости». Пастор Маррон произнес похвальное слово революции: «Что ее характеризует, сказал он, так это то, что она целиком является детищем разума... Она не заставила нас переменить учителей: она нас сделала более свободными». Слушатели были так довольны и растроганы этим языком, что даже заплакали.

Альфред Олар

В сравнении с этой терпимостью и симпатией в отношении протестантов еще резче выступала непопулярность негнущегося духовенства.

1789 – 1802

Перевод К.Шпицберга

Москва: «Атеист». 1925

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

¹ РЕФОРМАТЫ - последователи Цвингли и Кальвина, основавших в начале XVI века так называемую реформатскую церковь. Духовным центром реформатского движения была мелкобуржуазная Швейцария, откуда оно перешло во Францию и другие страны. Реформаты вели непримиримую борьбу с католицизмом, они сильно упростили догматическую сторону христианства, его ритуал, что не мешало им быть жестокими и нетерпимыми в отношении всякого вольнодумства и инакомыслия. Подвергаясь преследованиям в католических странах реформаты там, где они были господами положения, были ревностными гонителями мысли (сожжение врача и вольнодумствующего богослова Сервета и т.д).

Неприсягнувшие епископы были вынуждены эмигрировать или спрятаться. Однако, они тайком продолжали управлять своими епархиями непосредственно или через викариев. Будучи почти все дворянами, епископы очень жалели о потерянных привилегиях, о старом режиме. Это были аристократы, которые, таким образом, и неприсягнувших священников тащили на сторону аристократии. Следует признать, что эти неприсягнувшие священники обнаружили удивительное бескорыстие. Они обрекали себя на нищету, раз церковь потеряла свои имущества и раз они наперед отказывались от государственного жалования, которое предусматривалось для священников декретом от 29 ноября 1791 года. Это были энтузиасты, готовые на всякие жертвы дяди своего дела, готовые на мученичество, вот почему они были так опасны.

Ревность их к своей вере подогревалась преследованиями.

Закон 27 ноября 1790 года о присяге говорит о необходимости преследовать, «как нарушителей общественного порядка», тех неприсягнувших священников, которые стали у вмешиваться в какую бы то ни было из их прежних публичных обязанностей или в те обязанности, которые они Должны были бы исполнять по своему сану. Закон от 7 мая 1791 года формально позволял им служить обедню, но только служить обедню, в приходских церквах. Вместе с тем он дозволял предполагать, что они могут отправлять весь свой культ в помещениях, не принадлежащих приходу. Но что следовало разуметь под «общественными обязанностями»? учредительное собрание всегда отказывалось четко определить их. 19 июня 1791 года Трельяр заставил проголосовать декрет, в котором всем общественным обвинителям, под страхом отставки и суда, предлагалось преследовать тех неприсягнувших священников, которые продолжали бы исполнять «те же самые общественные обязанности». На практике вначале существовала тенденция рассматривать, как незаконно Присваивающих себе общественные функции тех священников, которые, не ограничиваясь произнесением обедни, исповедуют, крестят, венчают и хоронят. Общественное мнение не могло позволить неприсягнувшим священникам конкурировать с конституционными.

Была ли эта конкуренция опасной? Какова была численная величина и значительность клиентуры ослушного духовенства?

Совершенно невозможно дать цифры по этому вопросу. Число верных, группировавшихся вокруг неприсягнувших, было различно в отдельных провинциях. Оно было гораздо значительнее в департаментах Бретани, в Вандее, в Лозере, чем в департаментах Иль-де-Франса. Оно было значительнее там, где кюрэ был любим населением, а особенно в деревне, где, если оказывалось предпочтение старому культу, то делалось это из привычки и дружбы к священнику. Все это, однако, позволяет думать, что соотношение между числом этих последователей папистского культа и общим числом населения было гораздо меньше, чем соотношение между числом неприсягнувших священников и общей численностью духовенства.

Неприсягнувшее духовенство, которым декрет от 7 мая даровал свободу, испытывало сильные затруднения, если не в городах, то, по крайней мере, в деревнях, в вопросе о помещениях. Упразднение приходов и монастырей, оставило свободными в большей части городов множество церквей и часовен, которые могли быть куплены или сняты неприсягнувшими. Но зато в деревне, где в каждой общине было обычно не больше одной церкви, при чем это была церковь приходская, церковь конституционного священника, там другое помещение для культа найти бывало нелегко. Если богач или бывший сеньер открывал для неприсягнувших двери своей часовни, то молитвенные собрания в эти часовни разгонялись, как контр-революционные. Случалось так, что в сельских местностях, где крестьяне были более благочестивы или привязаны к своим старым священникам, неприсягнувшие отправляли свой культ в лесах или в открытом поле. Это происходило, несомненно, не так уже часто, и по этим исключительным случаям отнюдь не следует предполагать, что преследование неприсягнувших было повсеместным, что подаем религиозного пыла был общим явлением или что тут можно говорить о возрождении в деревне некоего первоначального христианства. Но что можно утверждать с полной уверенностью, так это факт разделения католиков на два противных лагеря, которые ненавидели друг друга, между которыми большей частью происходили страстные споры, иногда переходившие в побоище.

Местные власти относились к неприсягнувшим по разному. Директории департаментов, включая и парижский, были, повидимому, на стороне свободы неприсягнувших, тогда как муниципалитеты, включая и парижский, были против этой свободы. Так, например, в Памье католики-паписты сняли церковь бывших кармелитов и получили от директории департамента Арьеж разрешение на следующую надпись: «Любовь к богу и ближнему. Уважение и повиновение к Закону. Мир и милосердие». Однако, «патриоты» Памье воспротивились этому публичному отправлению папистского культа. В городе произошли волнения. Муниципалитет закрыл церковь. Директория департамента предписала открыть ее. Директория могла сколько угодно постановлять, настаивать. Последнее слово осталось за муниципалитетом. В Тарне директория департамента не в состоянии была помешать муниципалитету Лилля принять по наущению конституционного священника постановление, направленное против неприсягнувшего священника, которому позволяли служить обедню в приходской церкви лишь при закрытых дверях. Согласно этому постановлению «всякий больной, который не пригласил по истечении пяти дней болезни священника (конституционного) будет считаться отрекшимся от католической религии и будет лишен в случае смерти церковного погребения; священник должен в сопровождении каких ему угодно было лиц обходить дома «, больных и тот из них, кто отказался бы от его духовной помощи, подлежит преследованию при жизни и после смерти, так как священник вправе вырыть его труп». Национальная гвардия должна была содействовать проведению этих тиранических мероприятий.

Существовало, однако, несколько терпимых муниципалитетов, например, в Отэне, а также несколько директорий, враждебных свободе культов, как, например, директории бретонских департаментов. В шатильонском округе (Deux-Sevres) и в вандейском департаменте религиозная борьба и приняла столь страстный характер, что министру юстиции пришлось по приказанию Национального собрания послать туда двух комиссаров, Галлуа и Жансоннэ, для расследования и восстановления порядка. Из их докладов мы видим, как велика была привязанность вандейских крестьян к их неприсягнувшим священникам и как сильно эта привязанность отталкивала их от революции. Комиссары сочли необходимым отсрочить для этой области применение декрета от 7 мая 1791 года и отвергнуть петиции неприсягнувших, хотевших снять помещения для культа. «Так как эти петиции, говорят комиссары, которые, как нам известно, внушены лицами, вовсе их не подписывавшими, повидимому, основаны на какой-то общей и подпольной системе, мы думаем, что нам не следует поддерживать это религиозное разделение, которое, если принять во внимание нынешнее положение вещей в этом департаменте, носит характер настоящей гражданской распри среди населения».

Это не помешало Учредительному собранию включить 9 августа 1791 года в Конституцию параграф, обеспечивающий всякому человеку свободу отправления того культа, к которому он привязан. Закон о благочинии от 19 июня 1791 года грозит штрафом и тюрьмой тем, кто оскорбит предметы какого бы то ни было культа (независимо от того, нанесено ли оскорбление в публичном сочинении или в местах, предназначенных для отправления этого культа), тем, кто оскорбит служителей культа во время богослужения или подстрекнет толпу прервать религиозные церемонии какого бы то ни было культа.

XII

Нравы и страсти оказались сильнее законов. При Законодательном собрании нон-конформистам предоставлялось все меньше и меньше свободы. «Патриоты» ненавидели это ослушное духовенство, руководимое почти сплошь эмигрировавшими епископами, они опасались его, как контр-революционного элемента, да оно и в самом деле все больше становилось таковым. «Патриоты» были убеждены, что либо революция раздавит это ослушное духовенство, либо сама будет им раздавлена. Под влиянием этого убеждения, которое было общераспространенным в клубах, секциях, левых органах печати, Законодательное собрание приняло после долгих прений политике - религиозный декрет (19 ноября 1791 года), в котором оно отменило специальную присягу, которая до сих пор служила поводом разделения для ослушного духовенства.

Он требовал от священников только той гражданской присяги, которая была обязательна для всех должностных лиц, полагая, что это отлично поможет разобратить, какие именно священники злоумышляют против отечества. Если бы какой-нибудь священник отказался от гражданской присяги, то директория департамента могла удалить его на время из обычного места жительства, что же касается подстрекателей к неповиновению закону и властям, то им угрожало двухлетнее тюремное заключение. Наконец, был доложен декрет от 7 мая 1791 года в двух его разделах: отныне приходская церковь не могла служить больше для целей иного культа, кроме официального, а что касается остальных церквей, то в них не мог быть допущен ни один клирик, если он не принес гражданской присяги.

Король отказался санкционировать этот закон. Однако, в 72 департаментах власти применяли этот декрет, как если бы он сделался законом. Таким образом, начиная с декабря 1791 года, в большей части Франции, не было больше никакой свободы культа для католиков-папистов, хотя правительство настаивало на применении законов.

Дух Законодательного собрания был уже совсем не тот, что у авторов гражданской Конституции, а активные граждане, которые выбирали в это Законодательное собрание, имели пред собой неудачу этой Конституции. Она могла иметь успех только при единстве всех верующих и всего клира, она стремилась к объединению галликанской церкви под властью государства, а в действительности она привела к разделению, которое половину клира поставило в оппозицию государству. Вот почему в это время выходит из тени идея обмирщения, идея отделения церкви от государства. Идея эта была поддержана прессой, даже левой. С трибуны Законодательного собрания аббат де-Муа, бывший дворянин, депутат Парижа, конституционный священник из Сэн-Лорана, произнес 16 мая 1792 г. большую речь в которой он требовал отмены гражданской Конституции духовенства, упразднения бюджета культа, установление свободы культов, с тем, чтобы изгнать из королевства всякого священника, который проповедывал или исповедывал бы убеждения, противные Конституции, чтобы, однако, ни один священник не вынуждался принести гражданскую присягу.

Законодательное собрание сочувственно апплодировало этому предложению, которое, разумеется, не понравилось бы депутатам Учредительного собрания. Однако, оно не полагало, чтобы удобно было проделать опыт введения свободы культов как раз в тот момент, когда Франция находилась в состоянии войны, начавшейся с 20 апреля 1792 г., когда ее территории угрожало нашествие со стороны пруссаков, австрийцев и эмигрантов, агентами которых казались ослушные клирики. Именно, в видах национальной защиты и, как ему казалось, ради блага отечества Законодательное собрание приняло 27 мая 1792 года против неприсягнувших, декрет, еще более суровый, чем декрет от 29-го ноября:

«Полагая, что усилия, которые неизменно употребляются, неприсягнувшими для свержения Конституции, не позволяют предположить в этих церковниках желание примкнуть к общественному союзу; что смотреть и впредь на людей», очевидно, стремящихся разрушить общество, как на членов этого общества, значило бы подвергать опасности общественное благо, Законодательное собрание выработало ряд административных мер, направленных против неприсягнувших. Всякий неприсягнувший священник мог быть изгнан, если этого требовали двадцать активных граждан его округа.

Мера эта могла быть применена департаментом по представлению округа. Если департамент не соглашался с округом, должен был быть произведен опрос, после которого сейчас же должно было применяться решение. Если один или несколько граждан доносили, что внешнее поведение неприсягнувшего вызывает какие-нибудь волнения, департамент, по получении подтверждения, должен был подвергнуть неприсягнувшего высылению в любую страну, которую он пожелал бы. Если неприсягнувший продолжал оставаться во Франции или возвращался в ее пределы, его ожидало 10-летнее тюремное заключение.

Король отказался санкционировать этот декрет, что и вызвало против него сильнейшее недовольство. Так же, как и декрет от 29 ноября 1791 года, декрет от 27-го мая был применен в качестве закона директориями нескольких департаментов (например, департаментом Шаранты). 10 августа 1792 года, когда восстание оказалось победоносным, Законодательное собрание приняло постановление, согласно которому все декреты, не санкционированные королем, получают силу закона. Это касалось и декретов от 29-го ноября и 27 мая. К этим двум декретам прибавился еще третий, обязанный своим происхождением той внешней опасности, которая нависла над революцией и тому чувству, которое вызвало приближение австро-пруссиков, а именно декрет от 26-го августа, обязывавший всех неприсягнувших клириков, включая больных и дряхлых стариков в 15-тидневный срок убраться из Франции, под угрозой ссылки на Гвиану. Присяга свободы и равенства, установленная 15 августа 1792 года, была обязательна и для всех клириков. Так как лишь очень немногие из нон-конформистов принесли эту присягу, то можно утверждать, что с тех пор, как Законодательное собрание отделилось от церкви, для католиков-папистов не существовало больше свободы культа. Если неприсягнувшие клирики, подвергавшиеся жестоким преследованиям, выносившие тюрьму и изгнание, иногда даже посылавшиеся на казнь (согласно позднейшим законам), приобрели в глазах своих верных ореол мучеников, то самый факт открытого преследования и безнаказанного поношения священников, как врагов общества, повредил непосредственно религии католической, которая была деревенскому населению гораздо дороже своими служителями, чем догматами. Зрелище поносимых и преследуемых священников подготовило население к зрелищу поносимой и преследуемой религии.

В те то самое время, когда Законодательное собрание свирепствовало против ослушных священников, все большим успехом стала пользоваться идея обмирщения государства, как это показывает дело с процессиями в праздник «тела господня», имевшее место в Париже в июле 1792 года. До этого времени горожане обязаны были по случаю этого праздника убирать фасады своих домов тканями и коврами. В 1790 и 1791 гг. муниципалитет подтверждал старорежимные предписания о благочинии, касавшиеся этого предмета. Но в 1792 году муниципалитет Парижа по представлению прокурора коммуны, Манюэля, 20-го июня принял постановление, согласно которому граждане не могли быть принуждаемы украшать свои дома в день праздника «тела господня», ибо этот расход должен был носить характер «чисто добровольный». Постановление это подчеркивает, что не должно никак стеснять «свободу религиозных убеждений, что национальная гвардия не может быть вызвана для участия в церемониях какого бы то ни было культа, что, наконец, торговцы ни в коем случае не обязаны закрывать свои лавки в день праздника. Это показалось очень смелым. Камилл Демулен писал: «Короли уже готовы, однако, добрый бог не готов еще». Бриссо, напротив, горячо поддержал это постановление в «Patriote francais». Директории департамента одобрила его. Но что было еще более знаменательным, так это то обстоятельство, что Законодательное собрание, приглашенное священником из Сэн-Жермен-л'Оксерруа участвовать в процессии, сначала приняло это приглашение, но затем вынесло постановление, согласно которому в день этого праздника, 7-го июня, не должно было быть заседания, дабы члены Собрания могли по желанию в частном порядке участвовать в крестном ходе. Законодательное собрание поступило так, как если бы государственной религии уже не существовало, как если бы государство было уже светским.

Это не мешало Законодательному собранию защищать революцию не только от ослушных священников, но и от других церковников. Я разумею здесь конгрегации черного духовенства и даже белого. Учредительное собрание, как мы уже видели, упразднило все ордена и конгрегации монашеского характера. Однако, монахиням было разрешено оставаться в их монастырях, а монахи, не желавшие уйти из монастыря, были сгруппированы в специально для них отведенных помещениях. Многие монахи сделались врагами революции и приложили руку к интригам ослушных священников.

Законодательное собрание постановило 4 августа 1792 года, чтобы все помещения, которые были до тех пор заняты монахами или монахинями, были от них освобождены и проданы. Постановление это распространялось на все черное духовенство, за исключением монахинь, работавших в госпиталях и других благотворительных учреждениях.

Учредительное собрание отказалось принять какие бы то ни было меры против конгрегации белого духовенства. Некоторые из них были очень ценимы и любимы, как, например, конгрегация Оратории. Но и в этих конгрегациях, многие лица заняли позицию, враждебную революции. 18 августа 1792 года Законодательное собрание упразднило все без исключения конгрегации, даже госпитальные, а равно и братства. Персонально отдельные монахини могли быть сохранены на работе в госпиталях, а члены этих организаций, которые до этого работали в учебных заведениях, могли оставаться на своих местах.

Теперь уже не могли существовать во Франции больше никакие конгрегации, а это исчезновение очень важной и воинствующей части католического клира привело к ослаблению и умалению католической церкви.

Еще более важным фактом, быть может, было обмирщение актов гражданского состояния, декретированное Законодательным собранием на последнем заседании от 20 сентября 1792 года. Этого обмирщения требовали католики-паписты. Поставленные обстоятельства в такое же приблизительно положение с записью актов гражданского состояния, в каком находились протестанты после эдикта 1787 года, они не имели права обращаться к своему священнику: они обязаны были обращаться к конституционным священникам, но этого они как раз не хотели делать. Они начали требовать, чтобы запись актов гражданского состояния была передана в руки государственных чиновников. Учредительное собрание вначале оставалось глухим к этим требованиям. 27 августа 1791 года оно постановило, чтобы способ записи рождений, женитьб и смертей был определен будущим Национальным собранием. Однако, оно высказалось вместе с тем относительно того духа, который должна носить эта запись, так как оно заявило, что - «закон видит в браке лишь общественный договор». Законодательное собрание доверило запись актов гражданского состояния муниципальным должностным лицам, учредив тот порядок, который существует поныне. В то же время, оно нанесло и другой серьезный удар религии, установив и организовав возможность развода, явившегося следствием того параграфа конституции, где было сказано, что «закон считает брак лишь общественным договором».

Итак, моральный авторитет и престиж католической религии потерпели сильный урон к тому времени, когда собрался национальный Конвент и на место монархии пришла республика.

ГЛАВА III. ПОПЫТКА ДЕХРИСТИАНИЗАЦИИ (1793-1794 гг.)

I

Национальный Конвент, избранный всеобщим голосованием в такую эпоху, когда масса населения была почти сплошь грамотной, вполне естественно должен был бы оказаться менее философски настроенным, чем Законодательное собрание, которое избиралось цензовыми и просвещенными избирателями. Однако, бывшие пассивные граждане, сделавшиеся активными, мало пользовались своим правом голосования. Влияние крестьянского духа слабо чувствовалось в новом Собрании. Зато оно имело в своей среде многих членов Учредительного собрания и нескольких членов церковного Комитета, который выработал гражданскую Конституцию, как, например, Камюса и Трельяра. Национальный Конвент вначале как-будто тоже решает вполне определенно поддержать эту Конституцию.

13 ноября 1792 г., когда Камбон с трибуны заявил, что финансовый комитет, докладчиком которого он являлся, подготовил проект упразднения бюджета культов. Конвент отнюдь не одобрил его заявления. Напротив, 30-го ноября Конвент, по предложению Дантона, постановил, «что он никогда не намеревался лишать граждан служителей культа, данных им гражданской Конституцией духовенства». Конвент повторил это заявление 11 января 1793 г., а 27 июня, т.-е. тогда же, когда конституционные священники сделались участниками федералистского восстания, Конвент постановил, что «содержание церковников является частью государственного бюджета».

23 марта 1793 г. декрет Конвента формально разъяснил, что действие закона о наборе не распространяется на епископов, священников и викариев. (Более ранний декрет от 10 декабря 1792 г. подтвердил, что клирики являются общественными должностными лицами). 27-го марта представители Конвента Карра и Огюи заявили вандейцам от имени Конвента, что Республика основана на началах евангельской морали. В Париже 30 мая 1793 г., в день праздника тела господня, крестные ходы совершены были свободно, без всяких недоразумений. Конституция 1793 г. провозгласила свободу совести.

В первые месяцы своей деятельности Конвент пользовался всяким случаем для того, чтобы заявить, подтвердить, что он не только не хочет разрушать религию, но что он намерен сохранить и укрепить систему галликанской церкви, соединенной с государством, т.-е. гражданское устройство духовенства.

II

В то же самое время Конвент усиленно применял и умножал законы, направленные против ослушных или неприсягнувших, т.-е. против папистов.

Папизм ослушных, действительно, должен был казаться нестерпимым с тех пор, как папа встал на сторону врагов Франции. К тому же в это время имело место весьма важное событие. Французский дипломат Басвилль, секретарь французского посольства в Неаполе, был послан в Рим, чтобы там защищать интересы наших купцов. Он водрузил над своим жилищем трехцветное знамя, а своим людям приказал надеть трехцветные кокарды. Римская чернь убила его (13 января 1793 г.). Безнаказанность убийц позволяла предполагать причастность к убийству папского правительства. Убийство это вызвало в Париже взрыв общественного негодования против папы, которого, впрочем, считали душой коалиции, действовавшей против Франции. Недоверие к ослушному духовенству, к тому духовенству, которое было столь послушным по отношению к папе-врагу, выросло еще больше, и часть этого негодования относилась, быть может, и к этой конституционной церкви, которая, отмежевываясь и отделяясь от папы в некоторых пунктах своего устава, все же чтит его, как «видимого главу вселенской церкви», и решительно отвергла всякую мысль о расколе. Убийство Басвилля нанесло ущерб самой католической религии во Франции. Это было одним из тех событий, которые сделали возможной попытку дехристианизации.

Но что нанесло тогда религии еще больший ущерб, так это совершенно явная причастность неприсягнувших священников к вандейскому¹ восстанию. Поводом к этому восстанию послужил, несомненно, трехсоттысячный набор, которому не хотели подчиниться вандейцы, не желавшие отправляться на военную службу куда-то далеко от родных мест. Но, ведь, эти армии мятежников называли себя «армиями католическими и королевскими. Священники подливали масло в огонь, тогда как роялисты пытались использовать восстание в своих интересах. Эта гражданская война в Вандее, которая явилась для французской Республики, отбивавшейся в это время от иностранцев, ударом в спину, представляла собой огромную опасность для Революции, опасность, которая могла быть смертельной, в размерах которой народ, особенно в Париже и городах, отдавал себе вполне ясный отчет.

¹ ВАНДЕЯ - область на северо-западе Франции. В XVIII веке это была глухая провинция, где власть попа и помещика была необычайно сильна. В 1793 г. попам удалось поднять крестьян против республики и тем нанести сильный удар революции. Вандейцы отличались своей дикостью и жестокостью. Попы рассказывали вандейцам про всякие вымышленные чудеса, чтобы натравить их даже на жен и детей республиканцев. Восстание это было подавлено лишь в 1795 г.

Это было преступлением против отечества, которому поклонялись с религиозным энтузиазмом, это было ужасное, непростительное преступление. В священниках видели соучастников или даже вдохновителей и зачинщиков этого великого преступления. Это ослушное неприсягнувшее духовенство - враг, и если религия, имеющая таких служителей, еще не признана врагом, то все же она поставлена под подозрение поведением этого антипатриотического духовенства.

Из всех событий, приведших Францию к тому состоянию умов, из которого выросла попытка дехристианизации, именно вандейское восстание с его клерикальным обликом было наиболее важным, наиболее влиятельным. Я считаю возможным утверждать, что без Вандеи не было бы культа Разума.

Непосредственным последствием этого восстания было усиление кар, направленных против неприсягнувших священников.

13 марта 1793 года Конвент декретирует смертную казнь для священников, замешанных в волнениях по случаю военного набора. В этот же день Конвент постановляет, что священники, изгнанные из пределов Франции, подлежат в случае обнаружения их на французской территории военному суду и расстрелу в 24 часа. 23-го апреля Конвент выносит постановление, согласно которому церковники, не присягнувшие свободе и равенству, подлежат немедленной ссылке на Гвиану. Закон 29 и 30 вандемьера II года является ужасным законом. Согласно этому закону священники, являющиеся сообщниками внешних или внутренних врагов, должны быть казнены в 24 часа после того, как факт их вооруженного выступления против Республики был признан установленным военной комиссией, а «факт будет считаться установленным либо при наличии письменного заявления, скрепленного двумя подписями или даже одной подписью, подтвержденного показанием под присягой одного свидетеля, либо при наличии устного заявления, подтвержденного показанием под присягой двух свидетелей». Что касается вернувшихся во Францию священников, то для казни их было достаточно, чтобы два свидетеля подтвердили факт их изгнания. Что является большой новостью в этом законе, что делает его особенно суровым, так это то обстоятельство, что закон этот имеет в виду также и конституционное духовенство: согласно этому закону-изгнанию и ссылке подлежат все церковники, принесшие присягу, которых шесть граждан кантона обвинили бы в негражданственности, после того, как это обвинение «было рассмотрено директорией департамента по представлению округа».

Таким образом, закон этот поставил под легальным подозрением все католическое духовенство, присягнувших так же, как и неприсягнувших, церковников, являющихся должностными лицами, так же, как и церковников, снятых с их должностей. Отношение Конвента к конституционному духовенству, таким образом, резко изменилось. Почему? Прежде всего, потому, что конституционная церковь не выполнила того назначения, ради которого она была создана, раз она не сделалась единой национальной церковью и раз она нисколько не приближалась к осуществлению единства. Она не являлась, таким образом, силой, на которую республика могла бы опереться. С другой стороны, со 2 июня 1793 г. утвердилась монтаньярская¹ республика, а, ведь, Горе было ясно, что она не может, рассчитывать на поддержку со стороны конституционной церкви, многие члены которой встали на сторону жирондистов и ввязались в заговор, чреватый гражданской войной, не менее опасной, чем гражданская война в Вандее. В глазах монтаньярского народа, в глазах «санкюлотов» конституционное духовенство сделалось, значит, врагом революции. Санкюлоты начинают приходить к убеждению, что это конституционное духовенство решительно нисколько не лучше остального, что жирондистски настроенные «присягнувшие» столь же опасны, как «неприсягнувшие» сторонники королей и эмигрантов. Правда ли, что конституционные церковники были столь же причастны к федералистскому² движению, как ослушные к вандейскому восстанию?

¹ МОНТАНЬЯРЫ - сторонники Горы (Montanue), как называли себя левые члены Конвента, представлявшие интересы революционной мелкой буржуазии.

² ФЕДЕРАЛИСТЫ - кличка, которая была присвоена в 1793 г. жирондистам, представителям крупной торговой и промышленной буржуазии, главным образом, потому что они в своей борьбе с якобинцами, с Горой (представлявшей интересы мелкой буржуазии, мастеровых и части рабочих), стремились противопоставить революционному Парижу провинциальные департаменты и федерации.

Может быть, конечно, что представление об этой причастности и разговоры о ней были несколько преувеличены, однако, вполне несомненным является тот факт, что конституционные епископы выступали рука-об-руку с администрацией мятежных департаментов, восставших против Горы. Народное воображение в городах, а особенно в Париже, обобщило этот факт.

Такое обобщение, правда, менее резкое, применялось также и в отношении протестантского духовенства, наиболее выдающийся, наиболее популярный член которого, Рабо Сент-Этьен, заседал в Конвенте и резко выступил против Горы. Маррон, пастор реформатской церкви в Париже, был арестован, как умеренный, 21 сентября 1793 г., причем его несколько дней продержали в тюрьме.

III

Недавно еще противопоставляли добрых священников дурным. Ныне распространенным является уже убеждение, что нет, что больше уже нет хороших священников. Католическая религия дискредитирована в сознании многих воинствующих патриотов. Все распространеннее делается убеждение, что необходимо упразднить культ, раз он является препятствием и помехой для национальной обороны, для Революции. Именно эта мысль повсюду усиливает тревогу пламенных патриотов. Неверие некоторых философов, журналистов, клубистов, парижских муниципальных чиновников раздувает эти первые искры вольнодумства» чтобы превратить их в пожар.

С католическими святынями будет, впрочем, не так трудно справиться. Они потеряли свой престиж с тех пор, в как в них проник народ для исполнения декретов Учредительного собрания (от 29 сентября 1789 г.), а также Собрания Законодательного (от 10-12 сентября 1792 года), которое распорядилось отправить на монетный двор всю серебряную церковную утварь, без которой могло обойтись отправление культа, с тех пор, как начал приводиться в исполнение декрет Конвента (от 23 июля 1793 г.), согласно которому на каждый приход должно было быть оставлено не больше одного колокола, остальные же колокола должны были быть перелиты в пушки.

В некоторых местах имело место почти официальное осквернение святынь: так, например, член Конвента Рюль собственными руками разбил сосуд с миром в Реймсе 7 октября 1793 года.

Браки священников вызывали улыбку у тех, кого это не оскорбляло, вообще же от этого религия пострадала. Одним из первых подал пример Тома Лендэ, епископ Эйры, который женился в ноябре 1792 г. Понтар, епископ дордоньский, представил свою жену Конвенту на заседании 27 сентября 1793 г. Председатель Камбон братски расцеловал обоих супругов. Это были уже совсем не те времена, когда церковный Комитет Учредительного собрания запрещал священникам жениться. Конвент старается даже посредством специальных законов содействовать вступающим в брак священникам. Согласно постановлению Конвента женатые священники сохраняют свое жалование, если их прогонят из их прихода (19 июля 1792 г.). 12-го августа Конвент аннулировал все церковные решения относительно лишения сана женатых священников. 17 ноября 1793 года Конвент постановил, чтобы содержание священников, которых преследовали за их женитьбу, выдавалось им за счет тех приходов, которые чинили эти преследования, и чтобы эти священники могли пользоваться жалованием везде, где им будет угодно. Таким образом, Конвент фактически поставил женатых священников в привилегированное положение. Их было больше двух тысяч по утверждению их историка, конституционного епископа Грегуара, который сам, однако, не был женат.

Начало дехристианизаторскому движению было положено провинцией при покровительстве некоторых эмиссаров Конвента, не имевших на то, впрочем, никакого мандата. Так, например, Фуше, бывший эмиссаром в Невере, утверждал (ложно) в прокламации, выпущенной от 23 сентября 1793 г., что Конвентом поручено ему «заменить суеверные и лицемерные культы, которых к несчастью придерживается еще народ, культом Республики и естественной морали». 10-го октября он издал постановление относительно кладбищ, в котором он не ограничился приказом убрать с кладбищ религиозные эмблемы, но и предложил водрузить на воротах надпись: «Смерть есть вечный сон».

16-го октября Шометт¹, который встретился с Фуше в Невере, добился в парижской коммуне принципиального одобрения этого постановления. В Рошфоре Ленъело преобразовал приходскую церковь в «Храм Истины», где 31-го октября 6 католических священников и один протестантский при торжественной обстановке отреклись от культа.

С другой стороны, парижская коммуна, по предложению Шометта, приняла 23 вандемьера II года постановление, согласно которому ни один служитель какого бы то ни было культа не должен был появляться ни в какой иной одежде, кроме гражданской.

Сам Конвент с некоторых пор занял «философскую» позицию в отношении культа, а это придавало энергии и смелости дехристианизаторам. Праздник 10 августа 1793 г. был первым из национальных празднеств, которое имело чисто гражданский или, как мы говорим, светский характер.

Член Конвента Эро-де-Сешелль, который председательствовал на этом празднестве, восхвалял Природу, статуя которой была почтена возлияниями. 2-го октября Конвент, по докладу Мари-Жозефа Шенье, постановил, чтобы прах Декарта был перенесен в Пантеон. В докладе этом мы читаем: «Декарт только и сделал, что противопоставил древним суевериям новые, но и это уже являлось огромным общественным благодеянием, ибо нечувствительно приучало людей испытывать, исследовать, а не верить».

Установление республиканского летоисчисления, замена гражданского календаря республиканским (согласно декрета от 5 октября 1793 г. и 4 фримэра II года) были мероприятиями политическими, как это видно из докладов Фабра д'Эглантина и Ромма, в которых так много философических выпадов против догм христианства. Заменить обычное исчисление времени, обычные праздники новым календарем, новыми праздниками, упразднить воскресенье, заменив его десятым днем, вместо имен святых поставить имена тех, кто «составляет подлинное национальное богатство» - это значило лишить католицизм огромной доли его влияния, это значило изгнать его силой из народного быта. Этот декрет произвел потрясающее впечатление на иностранцев: им казалось, что Франция уже дехристианизировалась.

Комитет общественного просвещения при Конвенте сделался очагом противокатолической пропаганды. Грегуар утверждает, что Фуркруа говорил ему, воспроизводя слова Вольтера: «Следует сломать эту негодную религию». 26 июня 1793 года Лаканаль от имени этого Комитета предложил план национальных праздников, которые, действительно, могли бы заменить религиозные праздники. Этот Комитет, нанося удар католической церкви, добился от Конвента постановления (7 брюмера II года), согласно которому в будущем ни один церковник не мог быть больше назначен преподавателем, ни одна монахиня - преподавательницей. 15-го брюмера Конвент приветствовал и отдал в печать речь Мари-Жозефа Шенье, в которой тот от имени упомянутого Комитета предложил заменить католичество религией отечества. «Вырвите, говорит он, детей Республики из-под ига теократии, которое еще гнетет их... Свободные от предрассудков и достойные представлять французскую нацию, вы сумеете утвердить на развалинах низвергнутых суеверий лишь одну вселенскую религию, которая не имеет ни тайн, ни таинств, единственным догматом которой является равенство, проповедниками которой являются наши законы, жрецами которой служат общественные должностные лица, которая заставляет воскурять фимиам лишь пред алтарем отечества, являющегося нашей общей матерью, нашим общим божеством».

¹ ШОМЕТТ, ПЬЕР ГАСПАР (1763-1794) - один из левых деятелей французской революции, последовательный и непримиримый борец за интересы бедноты. До революции был рулевым на грузовом судне, с 1789 г. отдался революции и после 10 августа начал играть руководящую роль в парижской Коммуне, прокурором которой он оставался до своей казни. Политически Шометт и его группа представляли интересы беднейшей мелкой буржуазии и части рабочих. Он был ярким врагом «фанатизма» и одним из вдохновителей культа Разума. Когда Робеспьер начал борьбу со своими противниками справа и слева, Шометт пал жертвой террора по обвинению в неверии Шометта обычно причисляли к партии так называемых эбертистов, хотя он и его сподвижники представляли иные социальные слои, чем Эбер. См. в нашей библиотеке: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#chm>.

IV

Первый пример дехристианизации подала маленькая деревенская коммуна Риз-Оранжи, находившаяся в самом сердце Иль-де-Франса. Покровителем (патроном) прихода считался там св.Блэз. Жители, наслушавшись рассказов одного молодого добровольца о Бруте¹, низложили своего святого, заменили его Брутом, именем которого они назвали даже свой приход, и уволили своего священника. Соседние коммуны сделали то же, а 18 брюмера II года администраторы округа Корбей явились в Конвент и заявили, что большинство их сограждан не признает никакого иного культа, кроме «культа свободы». Конвент удостоил их почетного отзыва и занесения в Бюллетень. 16-го брюмера жители Маннэси (из того же округа Корбей) явились к решетке Конвента, нарядившись в церковное облачение, и заявили, что они не желают больше иметь священника, что они отрекаются от суеверия, что они у себя в приходе заменили бюст свв. Петра и Павла бюстами Ле-Пелетье² и Марата³, что они в своем «бывшем приходе» воздвигли на большом алтаре статую свободы. На своем заседании Конвент, по предложению Барера, докладчика от Комитета общественного спасения, признал, что «все граждане имеют право исповедывать и отправлять тот культ, который кажется им подходящим, а также упразднить те церемонии, которые им не нравятся». Высшей инстанцией по вопросу об упразднении приходов Конвент признал директорию департаментов. Однако, Конвент вопреки занятой им «философской» позиции скорее плелся в хвосте, чем благоприятствовал ему.

ХРИСТИАНСТВО и ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789 – 1802

Перевод К.Шпицберга

Москва: «Атеист». 1925

¹ БРУТ - вождь и вдохновитель революционного движения в древнем Риме (в конце VI-го века до р.х.), закончившегося изгнанием царя Тарквиния Гордого и установлением республики. Отец и брат его погибли в борьбе с тиранией. Он проявил необычайную республиканскую доблесть и не остановился перед казнью собственных сыновей, которые участвовали в заговоре против республики. Он погиб в сражении с войском одного из сыновей прогнанного царя. Деятели великой французской революции, воспитавшиеся на греческих и римских классиках, вдохновлялись образами классических республиканцев и патриотов. Они любили упоминать их, ставить их в пример и часто присваивали себе даже их имена.

² ЛЕПЕЛЕТЬЕ де-СЭН-ФАРЖО, ЛУИ-МИШЕЛЬ (1760-1793) - член Конвента, павший жертвой роялистов. Назавтра после вынесения смертного приговора Людовику XVI Лепелетье был убит бывшим королевским телохранителем Парисом за то, что голосовал за казнь короля. Убийство Лепелетье вызвало в Конвенте взрыв патриотизма, сгладивший на время, очень короткое, правда, противоречия между Горой и Жирондой. См. в нашей библиотеке: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#LSF>.

³ МАРАТ, ЖАН-ПОЛЬ (1743-1793) - один из виднейших деятелей великой французской революции, жестоко оболганный и оклеветанный буржуазными историками, изображавшими его в качестве полусумасшедшего и кровожадного демагога. В действительности это был один из самых бескорыстных, пламенных и проникательных вождей парижских трудовых масс. До революции Марат проявил недюжинные научные дарования. С первых же дней революции он всецело отдался ей, проявив себя, как вдохновенный трибун и неутомимый журналист, которого не могли остановить и запугать никакие преследования. В 1789 г. Марат своей газете «Друг Народа» беспощадно разоблачает все роялистские махинации, всех дельцов буржуазии, которые путем соглашения с монархией стремились приостановить революцию. Он ведет пламенную агитацию против новых налогов, которые тяжело ложились на бедноту. Марата преследуют, загоняют в подполье, но он все же выпускает свою газету до января 1740 г., когда ему приходится скрыться из Парижа. Но через несколько месяцев он снова возвращается и ведет борьбу против цензового избирательного права. Он требует реальных мер для облегчения положения бедноты, вступает в борьбу с вождями буржуазии, Мирабо, Лафайэтом, Сизийсом, он отстаивает и обосновывает право народа на восстание. Во второй половине 1791 года, когда началась жестокая «реакция» и буржуазия начала расправляться со своими противниками, Марат уезжает в Англию, но уже в начале 1792г. он снова в Париже на своем посту журналиста революции. Он начинает борьбу против жирондистов, против войны, против контр-революционеров, против спекулянтов. Он требует подвоза хлеба в Париж, он требует демократизации парижской коммуны, и после того, как в нее были избраны люди из народа, он становится ее официальным журналистом. Он с поразительной чуткостью выражал настроения парижской бедноты и был горячо любим ею. Все попытки жирондистов скомпрометировать Марата (они раз даже пытались предать его суду) кончались его триумфом. Конец жизни и деятельности Марата положил кинжал Шарлотты Кордэ, провинциалки, которая была нафанатизирована агитацией, ведшейся против Марата жирондистами и «золотой молодежью». 13 июля 1793 года, она, пользуясь необычайной доступностью Марата, убила его, лишив тем революционную демократию самого дальновидного и преданного ее вождя. См. в нашей библиотеке: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#marat>.

Движение это приняло в Париже такие размеры, что конституционный епископ Парижа, Гобель, под давлением воинствующих вольнодумцев, как, например, член Конвента Анахарсис Клоотц¹, решил отречься от своего сана вместе с одиннадцатью своими викариями (не отрекаясь, однако, от христианства). Он явился 17-го брюмера к решетке Конвента, сообщил о своей отставке, снял с себя крест и перстень и надел красный колпак. Церковники, члены Конвента, за исключением небольшого числа клириков, к которому принадлежал Грегуар, последовали его примеру на этом заседании и на следующих. Протестантские пасторы, заседавшие в Конвенте, сделали то же самое, как, напр., Жюльен из Тулузы и Ломбар-Лашо. Пастор Маррон в Париже поступил так же, или почти так же. Он принес в Конвент 20 брюмера II года четыре серебряных чаши, которые служили в церкви Сен-Луи-дю-Лувр для причастия, и произнес речь, в которой он, не отрекаясь формально от своего сана, осуждал богословие и выражал свое благоговение «перед вечными и бессмертными принципами очевидности и морали».

В это время происходило много сцен патриотического энтузиазма.

Сейчас же после вышеприведенных блестящих примеров отречения священников и викариев стали весьма частым явлением по всей Франции.

Вечером того же 17-го брюмера коммуна и департамент Парижа постановили, чтобы ближайший десятый день, приходившийся на 20-е брюмера, был отпразднован в соборе богоматери, где должна была быть воздвигнута статуя Свободы «на месте и взамен бывшей св. девы», а Паш, мэр Парижа, окрестил эту церемонию «праздником Свободы и Разума».

Церемония 20-го брюмера была чрезвычайно торжественной.

В соборе богоматери, где все христианские культовые эмблемы и изображения были задрапированы, воздвигнута была искусственная гора, увенчанная греческим храмом с надписью: Философии и четырьмя бюстами философов, Вольтера, Руссо, Франклина и, может быть, Монтескье. На самом алтаре горел «факел Истины». По горе двигались вереницы молодых девушек, одетых в белое, с трехцветными поясами, с цветочными коронами на голове, с факелов в руке. Затем из храма вышла красивая женщина, одетая в синий плащ, с красным колпаком на голове. Это было олицетворение Свободы, принимающей поклонение республиканцев, которые, протягивая к ней руки, пели гимн Мари-Жозефа-Шенье:

О, ты, святая Свобода, приди обитать в этом храме,
Будь богиней Франции!

Вся сцена была разыграна умело и со вкусом актрисами из оперы.

После всего этого должностные лица департамента и коммуны отправились к решетке Конвента, где Шометт от их имени заявил, что народ не хочет больше священников, не хочет больше иных богов, кроме тех, которых нам дает природа: «Мы, его должностные лица, мы услышали это его желание, мы приносим его из храма Разума». Он потребовал, чтобы отныне это название «Храма Разума» осталось за собором богоматери. Соответствующий декрет был принят тут же. Актриса, изображавшая Свободу, заняла место на трибуне, где президент и секретари братски

¹ КЛООТЦ, ЖАН-БАПТИСТ, барон дю Валь-де-Грас (1755-1794) - пламенный энтузиаст, отдавшийся французской революции, ведущий непримиримую борьбу со всякой тиранией и мракобесием. Еще до революции он выпустил несколько сочинений в духе враждебных религии последних энциклопедистов С 1789 г. он принимает участие в революции, вкладывая в нее общечеловеческие идеалы, мечтая о свержении всех тронов на земле, о вселенском братстве. В 1792 г. Клоотц, присвоивши себе имя Анахарсиса по излюбленной в те времена книге Бартеlemi «Путешествие молодого Анахарсиса в Грецию», был избран почетным гражданином Франции наряду с Шиллером, Песталоцци и др. Это позволило ему выставить свою кандидатуру в Конвент. Попав туда, он примкнул сначала к жирондистам, но затем перешел к якобинцам и даже председательствовал в их клубе. Убежденный враг религии и церкви, - он тяготел к эбертистам. В конце 1793 г. он произнес в Конвенте пламенную речь против религии («религия является самым крупным препятствием в моей утопии») и внес предложение воздвигнуть колонну в честь священника-атеиста начала XVIII века Жана Мелье. Робеспьер, носившийся с культом высшего существа, всегда косо поглядывал на «оратора рода человеческого». Когда же он начал борьбу эбертистами, он не забыл и Клоотца. Он обвинил Клоотца в «империализме», в том, что он является неверующим (Клоотц называл себя личным врагом Христа) и т.д. Клоотц был подло припутан Робеспьером к какой-то компании спекулянтов и отправлен на эшафот. Даже противники подтверждают, что Клоотц встретил смерть чрезвычайно мужественно, ни на волос не отступая от своих убеждений. См. в нашей библиотеке: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#cloots>.

расцеловали ее. Затем Конвент отправился в собор богоматери, где вся церемония была для него повторена.

Назавтра, 21-го брюмера, Конвент получил петицию народных обществ Парижа, которые требовали упразднения жалования священникам. Конвент удостоил эту петицию почетного отзыва, но удовлетворение ее отсрочил.

V

Дехристианизаторское движение быстро распространилось в Париже. Секции почти все отказались от культа, закрыли свои приходские церкви и затем открыли их в качестве храмов Разума.

23-го брюмера протестанты Парижа примкнули к движению: они принесли в Коммуну несколько серебряных чаш, употреблявшихся при их богослужении. Председатель ответил им, что если какая-нибудь религия и должна была бы быть сохранена, так это религия протестантская: тем не менее, заявил он, не следует иметь никакого другого культа, кроме культа Свободы и Равенства.

Храмы реформатов остались как-будто с этих пор без богослужения, по крайней мере, в Париже, ибо в прериале II года пастор Маррон был вторично арестован за то, что он венчал в своей церкви, а это доказывает, что народ был до этого уверен, что богослужение в протестантской церкви отменено. Пастор этот оставался в заключении до падения Робеспьера, а во время его сидения в тюрьме богослужения не было ни в церкви Сен-Луи, ни в другом месте (повидимому). Тем не менее, в конце октября 1793 г. реформаты Парижа дали яркое проявление доброй воли, перенесли свое богослужение с воскресения на десятый день.

Лютеране, менее многочисленные, менее заметные, могли продолжать отправление своего культа в часовне шведского посольства. Капеллан Гамб предусмотрительно перенес богослужение на десятый день, и эта предосторожность принесла ему больше проку, чем реформатам. Что касается эльзасских лютеран, то мы знаем, что храмы их были закрыты, как и все остальные церкви.

Конвент не упразднил религии, но он был увлечен общим движением. 25-го брюмера Конвент призвал священников из тех коммун, которые упразднили культ, к делу благотворения или воспитания. Он с терпеливостью, казавшейся доброжелательной, принимал отрекающихся от духовного звания, все эти антирелигиозные маскарады, в огромном количестве стекавшиеся к его решетке. Ярче всего Конвент обнаружил - свое отношение к религии, допустив в заседании 30-го брюмера к своей решетке депутацию от секции Единства, причудливо разодетую в церковные одеяния, и позволив разыграть перед собой театральную пародию на католическое богослужение. После того, как оратор от депутации поклялся не иметь иного культа, кроме культа Разума, Свободы, Равенства и Республики, народ и члены Конвента, судя по официальному отчету, воскликнули: «Мы клянемся в этом! Да здравствует Республика!».

Парижская Коммуна решила тогда забежать вперед, если можно так выразиться. 3-го фримэра II года (24 ноября 1793 г.) Коммуна, по представлению Шометта, постановила, «чтобы все церкви или храмы каких бы то ни было религий и культов, которые только существуют в Париже, было немедленно закрыты» и чтобы всякий, кто потребовал бы их открытия, задерживался, как подозрительный.

Парижская Коммуна, сама не зная этого, в действительности только последовала примеру страсбургского муниципалитета, который 2-го фримэра предписал закрыть все храмы и церкви Страсбурга за исключением храмов Разума в соответствии с постановлением, принятым накануне временной административной Комиссией нижнерейнского департамента.

«Культ Разума», организованный секциями Парижа, был распространен вскоре по департаментам народными обществами и некоторыми эмиссарами Конвента. Повсюду было много в это время закрытых церквей, превращенных затем в храмы Разума. Почти все города как-будто присоединились к этому движению и признали новый культ. Но особенно выделился в этом отношении юго-восток, где благодаря стараниям эмиссаров Дартигуайта и Кавеньяка дехристианизаторское движение было особенно смелым, смелым вплоть до насилия.

В общем и целом движение это стремилось противопоставить то, что называлось тогда естественной религией, христианству, всему христианству. Хотя протестанты не были непопулярны, все же позиция некоторых из них в отношении федералистического восстания не понравилась патриотам. Когда они принесли свою скромную серебряную утварь, их приняли с учтивыми оговорками, как мы уже видели, но все же приняли. Ни один пастор больше, однако, не считал себя обязанным отречься. Идея обращения Франции в протестантство, по поводу которой впоследствии Эдгар Кинэ так жалел, что она не была осуществлена, ибо он видел в этом единственное действительно средство раскатоличения Франции, идея эта была совершенно чужда как руководящим революционерам, так и народу. На развалинах христианства они хотели утвердить то, что философы называли естественной религией. Какую же естественную религию? Религию Вольтера, столь философическую? Или религию Руссо с христианскими формулами? В этом тогда не отдавали себе отчета. В это время чтити заодно и Вольтера и Руссо. Шометт, ярый антикатолик, имел скорее облик ученика Жан-Жака Руссо, а вольтерьянец Эбер¹ любил частенько поминать «доброе санкюлота Иисуса». Мнимое первоначальное христианство и естественная религия перемешались в воображении санкюлотов, которые в 1793 г. сделали икоборцами столько же из патриотизма, сколько из вольнодумства, которые в Париже были заняты больше разрушением, чем созиданием.

Култ Разума был почти повсюду деистическим (а не материалистическим или атеистическим). В Париже, когда в нем участвовал народ, он носил веселый, радостный характер. Несмотря на педантизм некоторых книжников, он носил характер проказливой забавы. Провинция восприняла култ Разума всерьез. В провинциальных городах, по крайней мере, имели место серьезные и искренние попытки упразднить старую религию и утвердить на ее месте рационалистический култ. Богинь разума почти повсюду там изображали не актрисы или проказливые работницы, а красивые молодые девушки, добродетельные и серьезные, принадлежавшие к цвету буржуазии (этого не отрицают самые враждебные свидетели).

Относительно деревни мы имеем меньше сведений, чем относительно городов. Однако, мы знаем, что и в самых захолустных коммунах многие церкви были превращены в храмы Разума, а сообщения и письма эмиссаров Конвента показывают, что дехристианизаторское движение захватило почти всю Францию, как деревенскую, так и городскую.

Мы еще будем говорить об отношении крестьян к дехристианизации. Не следует, конечно, думать, что мы обнаружим у поклонников Разума различный облик и различный дух в зависимости от того, в какой местности они живут, являются ли они, например, бретонцами или провансальцами. Если философические праздники справляются не везде с одинаковым воодушевлением, если дехристианизация в Шартре и Лиможе, например, протекает не так бурно и резко, как, например, в Страсбурге и Оше, то это объясняется тем, что с колокольни страсбургского собора можно было уже видеть аванпосты австрийцев, что в Оше революции особенно сильно угрожали махинации духовенства, тогда как от Шартра враги были далеко, а в Лиможе революция не имела особенно опасных противников.

¹ ЭБЕРТИСТЫ и ЭБЕР. Эбертистами в 1792-1793 гг. назывались деятели, группировавшиеся вокруг парижской Коммуны, представителем которых в конвенте был Жак-Рене Эбер (1757-1794). Группа эта была неоднородна по своему социальному облику. Если Шометт и Паш были выразителями интересов парижской бедноты и тяготели к коммунизму, то Эбер был представителем интеллигентской богемы и являлся радикально-анархистски настроенным индивидуалистом. Всех эбертистов объединяло враждебное отношение к религии и христианству Эбер был присяжным журналистом своей группы и редактором самой популярной среди парижского населения газеты «Батюшка Дюшен», которая в самом простонародном стиле откликалась на все, что волновало парижский народ в годы революции. Эбер был гораздо менее выдержан и последователен в своем атеизме, чем Шометт и Клоотц. Если он в своей газете одно время писал «Великая радость, что посылают всех золотых и серебряных обезьян, которых наши старые бабушки называли святыми и переделывают их в монету», то это не мешало ему потом называть Иисуса «добрым якобинцем» и т.д. Эбер, подобно своим товарищам, был казнен в 1794 г. Робеспьером. См. в нашей библиотеке: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#hbrt>.

Этот культ Разума был одновременно и культом отечества, которое быстро заняло в этом культе преобладающее место. Бюсты философов в храмах были часто заменяемы или дополняемы бюстами Шалье¹, Ле-Пелетье, Марата, которые в воображении народа олицетворяли не определенное учение, а революционную Францию, которая борется с реакцией. Мало-по-малу начали чтить, главным образом, этих трех мучеников патриотизма.

VI

Какова же была при всех этих обстоятельствах позиция правительства?

Оно сопротивлялось, насколько оно было в силах, этой попытке насильственного разрушения религии и старалось сохранить посреди этого водоворота свободу культов,

Происходило это не потому, что члены Комитета общественного спасения хотели в качестве верующих сохранить католицизм. Все заставляет думать, что они, напротив, желали исчезновения этой религии, что они надеялись на это исчезновение по мере роста просвещения. Однако, они не хотели этих насилий и преследований из боязни раздоров, которые ослабили бы национальную оборону, из стремления избежать лишнего случая раздражить Европу и сделать ее таким образом менее сговорчивой.

Робеспьер, который сначала молчал, протестовал 1-го фримера II года с трибуны якобинского клуба против насилий дехристианизаторов. Он, который считался главой правительства, заявил, что Конвент, принимая проявления гражданственных чувств, отнюдь не думал упразднить католический культ, что он отнюдь не делал такого «безрассудного шага», что он этого шага не сделал бы никогда, что он стремился «сохранить свободу культов» и наказать тех, кто преследует священников. «Тот, сказал Робеспьер, кто хочет мешать им служить обедню, является еще большим фанатиком, чем тот, кто служит обедню». Он обвинил дехристианизаторов в атеизме (это обвинение было ложным), он заявил, что «атеизм аристократичен», что «идея великого существа, блюдущего угнетенную невинность и карающего торжествующее преступление, является чисто народной идеей». Он обрушился на дехристианизаторов, как на предателей, как на иностранных агентов: «Негодяи только и хотят претворить в действительность те грубые клеветы, бесстыдство которых узнала вся Европа, и оттолкнуть от вас, пользуясь предрассудками или религиозными убеждениями, тех, кого мораль и общественный интерес побудили бы примкнуть к общему делу, которое мы защищаем».

Робеспьер согласился с Дантоном, который заявил 6-го фримера в Конвенте: «Я требую, чтобы здесь, в стенах Конвента, не было больше места антирелигиозным маскарадам... Я требую закрыть решетку».

Решетка эта, однако, не была закрыта сейчас же после выступления Дантона. Конвент продолжал допускать к ней воинов культа Разума, давать почетный отзыв письмам, возвещавшим в эбертистском стиле об отречении священников, о разрушении предметов культа, об освящении новых храмов Разума. Сам Кутон, робеспьерист Кутон, принес однажды на трибуну реликвии и издевался над ними. 10-го фримера Конвент прислал свою депутацию на праздник Разума в Сэн-Роше, где актер Монвель произнес антихристианскую речь, и депутация сделала пламенный доклад в Конвенте. Однако, 15-го фримера Робеспьер провел в Конвенте «Ответ на манифесты королей», в котором он отрицал, будто французская нация упразднила всякую религию. Лгут, мол, те, которые изображают ее, как нацию идолопоклонников или сумасшедших. 16-го фримера Конвент принял декрет, «согласно которому запрещаются всякие насилия и меры, противные свободе культов». Законы против ослушных или непокорных священников, однако, не были отменены.

¹ ШАЛЬЕ, ЖОЗЕФ (1747-1793 г. г) - вождь революционного движения в Лионе. Вывший священник, приятель Марата, пламенный пропагандист коммунизма, который у него, правда, был проникнут мистическими элементами, - Шалье пользовался безграничной любовью пролетарских элементов Лиона. Он возглавлял борьбу пролетариата с буржуазией Лиона, выставляя те же требования, что и деятели парижской Коммуны, напр., требование таксы на предметы первой необходимости, запрещения спекуляции и борьбы с монархистами. Лионские жирондисты и роялисты, то-есть лионская мануфактурная буржуазия и бывшие дворяне, вели жестокую борьбу с лионским пролетариатом. 29 мая 1793 г. на улицах Лиона произошло столкновение между буржуазией и пролетариатом. Буржуазия одержала верх. Жирондисты захватили Шалье и 16 июля казнили его. Обезглавив пролетариат Лиона, жирондисты соединились с роялистами и подняли восстание против Конвент. См. в нашей библиотеке: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#chaliere>.

С другой стороны, Коммуна, уstraшенная всем этим, отступила, заявив 8-го фримэра, что в своем постановлении от 3-го фримэра она отнюдь не разумела «запрещения гражданам снимать помещения для потребностей культа, если только отправление этого культа не наносит вреда обществу». В течение зимы 1793-94 гг. католическое богослужение совершалось в часовнях, а именно в часовне «Оратории», на улице д'Анфер, в часовне женского монастыря св.Зачатия, на улице Сент-Онорэ. Туда стекались в большом количестве парижане и окрестные крестьяне. Часовни эти были закрыты во флореале II года постановлением секционных комитетов и с тех пор католическое богослужение совершалось как-будто лишь полулегальным образом.

VII

Комитет общественного спасения принял всерьез декрет 16-го фримэра и сделал все возможное для того, чтобы его эмиссары в провинции проводили этот декрет в жизнь.

Так, например, когда Энгран жаловался Комитету на то, что он не сумел в своем округе «добиться отречения хотя бы одного священника от своего звания и своих религиозных глупостей», Комитет ответил ему 19-го фримэра:

«Предоставь религиозным идеям увядать и гибнуть самим. Именно из гонений рождаются эти ужасные войны, именуемые священными». В циркуляре от 4-го нивоза Комитет пишет своим представителям: «Нет никакого сомнения, что торжество истины над заблуждением придет. Будем торопиться, спешить, но не следует низвергать заблуждение силой, как бы огорчительно ни было для нас то обстоятельство, что нам приходится еще сражаться с мнениями, которые здравый смысл должен был вымести вместе с обломками трона. Следует «просветить тех, кого ослепляют еще древние предрассудки». Следует «поразить тех, кто прославляет небо лишь для того, чтобы лучше пожрать землю. Эмиссары, мол, должны, будучи терпимы в отношении первых, ослепленных предрассудками, быть ужасными для заговорщиков.

Те из членов Комитета общественного спасения, которые отправлялись в провинцию, применяли эти указания на деле. Так, например, Жанбон Сент-Андрэ декретом от 21-го фримэра обеспечил в Шербурге свободное отправление культов, лишь бы только богослужение ограничивалось стенами храмов. Он заявил жителям Ламанша: «Служите на свой лад творцу природы. Иудеи, христиане, мусульмане, ученики Конфуция и почитатели великого Ламы, все вы равны в глазах «свободного народа». Если что требуется, так это, чтобы не было господствующего культа.

Часть эмиссаров продолжала насильственную дехристианизацию. Другая часть несколько умерила свой пыл. Впрочем, в деревне им приходилось наталкиваться на затруднения. Так, например, в середине ноября совсем недалеко от той области, которая первой подала пример упразднения культа, в Курталене (департамент Сены-и-Марны), крестьяне взяли за оружие, требуя открытия церквей, и эмиссар Годефруа посоветовал Комитету общественного спасения уступить этому требованию. В этом же департаменте, в Жуи-сюр-Морэн, крестьяне, вооруженные ружьями, пиками и косами, в количестве ста человек явились к эмиссару Мориссону с угрозами, заявляя, что «они хотят, чтобы была восстановлена католическая религия и чтобы не было больше якобинцев». В этом заявлении религиозное требование перемешано с политическим. Это смешение позволяет задаться вопросом, не контр-революционеры ли вызвали это восстание? В Вилльекьере (Шер) кричали: «Мы требуем восстановления нашей религии! Мы умрем за нее! Мы хотим, чтобы снова все было, как прежде, и тогда мы уйдем со спокойной душой!». Мы хотим, чтобы все было, как прежде... Правдоподобно ли, чтобы крестьяне, едва освободившись от гнета феодальных прав, потребовали полного восстановления старого режима? Очевидно, что они повторяют, не совсем ее понимая, фразу, которая им внушена со стороны, очевидно, что их восстание вдохновлено не одним благочестием.

Не все церкви были закрыты везде и сразу. Так, например, в нивозе II года церкви были открыты и католики совершали в них свое богослужение в департаментах Дордонь, Луарэ, Луар-э-Шер. Это различие в отношении отдельных департаментов к католическому культу объясняет нам, почему контр-революционеры не всюду могли вызвать волнения. Несправедливость такого различия послужила аргументом для католиков в Руане, добившихся 27-го фримера от представителя Конвента открытия всех руанских церквей. Открытие это было почти всюду лишь временным. Церкви снова были закрыты везде, где было замечено, что культовые собрания являются столь же политическими, сколь и религиозными.

Это обстоятельство послужило главным основанием, помешавшим применению декрета от 16-го фримера, провозгласившего свободу культов. Революционные комитеты и народные общества с доказательствами в руках непрерывно доносили представителям Конвента о затруднениях и опасностях, которые связаны в эпоху войны, гражданской и внешней, с этой религиозной свободой, которая служит прикрытием и средством для контр-революционных затей. Когда в случае волнений уполномоченные Конвента старались вникнуть поглубже в их причины, они редко-редко не натыкались на руку священника. Так как волнения и беспорядки продолжались, то случилось так, что даже после установления культа высшего Существа, который показался менее антихристианским, чем культ Разума, глава которого, Робеспьер, сделался, быть может, надеждой не одного католика, случилось так, говорю я, что дехристианизаторское движение осталось и тогда очень сильным. Или даже вернее: именно тогда оно, быть может, и было наиболее сильным. Именно тогда имело место закрытие наибольшего количества церквей.

В Ло-э-Гаронн и в Ландах представитель Конвента Монестье (из Лозера), вообще - то умеренный, превратил с конца жерминаля II года новый культ высшего Существа, бывший продолжением культа Разума, в господствующую, исключительную религию, упразднив, таким образом, косвенно католицизм. Другие эмиссары прямо упраздняли католичество. Так, например, член Конвента Сибло, установив, что в нижне-сенском и эйрском департаментах в некоторых общинах еще служатся обедни, написал в Комитет:

Моим постановлением от 18-го жерминаля я положил этому конец. Больше уже не служат обедни в этих двух департаментах, и народ, далекий от всякого ропота, приветствует это мероприятие, ибо он убежден, что оно обеспечивает его спокойствие». Член Конвента, Вернерей, пишет из Аллье в мессидоре: «До моего прибытия в этот департамент католическое богослужение совершалось еще публично почти во всех коммунах. Туда были посланы апостолы истины и разума; они мудро и осторожно проповедывали народу, и вот к моему отбытию из этого департамента в нем не осталось ни одной открытой церкви. Фанатизм испустил дух без всяких конвульсий». Одной из революционных мер, сильнее всего затронувшей отправление католического культа, был созыв священников, каких удавалось поймать, в центр округа. Делалось это по постановлению эмиссаров. В деревне не оставалось больше священников, значит, не оставалось и культа. Дело доходило до того, что в некоторых деревенских коммунах жители, которые не в силах были отказаться от своих привычек, собирались для того, чтобы самостоятельно, без священника пропеть обедню. Иногда священника заменял даже школьный учитель. Комитет общественного спасения, вопреки декрету от 16-го фримера, запретил эти съезды священников, как контр-революционные, например, в Шони. Он писал Ру, своему уполномоченному в Эне и Арденнах: «Комитет призывает тебя к бдительности в отношении этих вероломных нововведений. Рассей эти сборища агитаторов, заглуши это болотное кваканье; обеспечь торжество разума, сделай так, чтобы мудрость подготовила его успеха.

Переписка представителей Конвента с Комитетом спасения показывает нам, что в это время то здесь, то там, особенно в деревнях, проявлялось движение, направленное против дехристианизации и в пользу католицизма. Не обошлось, конечно, и без негодования, скорби и страдания благочестивых душ, а в бумагах Робеспьера мы встречаем трогательные жалобы католиков, требующие восстановления культа.

Среди вандейских и бретонских повстанцев были, несомненно, такие, которые взяли за оружие из благочестивых побуждений или из любви к своим священникам. Но это все факты, которых вовсе недостаточно было для того, чтобы католическая религия могла вызвать общую жакерию или хотя бы местные восстания, подобные тем, которые вызвал вопрос о феодальных правах в 1791 и 1792 гг.

Разумеется, следует принять во внимание, что и теперь, как это было в пору первых шагов культа Разума, не все церкви были закрыты сразу. Я говорил, что теперь закрыто было самое большое количество церквей. В бумагах Грегуара есть заметка, из которой мы видим, что в жерминале II года обедню служили публично еще в ста пятнадцати приблизительно приходах. Из серьезных свидетельств мы знаем, что в термидоре, накануне падения Робеспьера, католический культ держался еще в двух округах, в Газенбруке (на севере) и в Сент-Ипполите (Ду).

Недавно я считал возможным умозаключать на основании этих фактов, что дехристианизаторы натолкнулись на моральную и материальную невозможность довести свою попытку до конца, что они потерпели крах из-за непреодолимой привязанности населения, особенно деревенского, к католической религии. Я слишком обобщал эти факты. Я на основании некоторого бывшего налицо сопротивления и упорства делал выводы относительно общего состояния умов в деревне. Ныне, быть может, потому, что я видел больше документов, я поражен редкостью, малосерьезностью тех крестьянских волнений, которые были вызваны дехристианизацией, я поражен тем переплетением веры и политики, которое обнаруживается в этих волнениях.

Я особенно поражен безразличием крестьянства. Вот пример, который мы знаем от М.Л.Тестю, из его недавно появившейся истории местечка Бомон-дю-Перигор. Жители Сент-Ави-Сеньера (Дордонь) пишут в конце II года Конвенту следующее: «Вот уже больше четырех месяцев наши алтари остаются без служителей. Мы бы вообще, и не думали роптать, если бы часть наших налогов не продолжала бы предназначаться на расходы культа. Но нам очень трудно отрывать от необходимого (ибо мы не ведаем излишка) для того, чтобы содержать священников, от которых мы взамен ничего не получаем». Письмо это написано горожанами, но оно говорит и о состоянии крестьянских умов: «Сельский народ, пишут они, еще требует священников, особенно когда он платит за то, чтобы их иметь. Но если бы ему предоставлена была свобода выбора, то будьте уверены, что выгода навела бы его на иные мысли, что он, быть может, счел бы более удобным не иметь священников».

VIII

Если не было общего крестьянского восстания, то это произошло потому, что французский крестьянин был весьма безразличен в вопросах религии. Когда видишь, как он в общем предоставлял полную свободу действий в области религии, начинаешь чувствовать, что христианство было в нем весьма поверхностным, как если бы введение христианского культа было делом еще совсем недавним. Если он не был задет в глубинах своего сердца теми оскорблениями, которые наносили христианству, то это произошло, быть может, потому, что христианство не проникло в эти глубины.

Трудно быть уверенным в том, что эта система насилия и разрушения, если бы она была продолжена до конца, не сумела бы вытравить из крестьянского сознания христианскую религию, которая имела там, быть может, лишь весьма неглубокие корни. Это искоренение христианства не привело бы, конечно, особенно в деревне, к утверждению «естественной религии». Крестьянство, почти сплошь неграмотное тогда, несомненно, вернулось бы на время к своим древним дохристианским обычаям, к тем магическим и колдовским обрядам, которые поглотило и растворило в себе христианство.

В городах дехристианизаторы, как-будто, не встретили серьезных затруднений ни среди рабочих, ни среди буржуазии. В Париже и нескольких городах, где рабочих было много, пролетарии, санкюлоты либо рукоплещут антирелигиозным маскарадам, либо участвуют в них, испытывая, видимо, удовольствие от непочтительных выходок против религии.

Антирелигиозные выступления не вызывают никаких протестов. Ими забавляются, как хорошим фокусом, а «Pere Duchesne» (Батюшка Дюшен), столь грубый в отношении религии, отлично знает, что это вовсе не доставляет неудовольствия рабочим. Бывшие дворяне, те, что остались во Франции, были совершенно искренно неверующими и вольтерьянцами. Лишь после переворота, да и то из политических соображений, они вознегодовали за религию. Буржуазия в общем была пропитана идеями естественной религии, религии Вольтера, религии Руссо, особенно религии Руссо. Возможно, что оскорбления, наносимые народной толпой старой религии, и были неприятны буржуазии, но об этом мы ничего не знаем. Не забудем, что и самый Конвент, как это видно по его официальным отчетам, аплодирует этим оскорбительным выходкам против старой религии, что Робеспьер и Дантон реагируют на них лишь возражениями, основанными на соображениях политики и своевременности. Никто не осмеливается в Конвенте (за исключением Грегуара) выступить откровенно в защиту религии, которая вчера еще была национальной религией. Не будучи свободной, печать не была еще в это время в таком рабском состоянии, в каком она находилась после казни эбертистов и дантонистов. Журналисты тем меньше колебались бы критиковать дехристианизацию, чем больше эта критика соответствовала бы явным или скрытым видам и намерениям правительства. Тем не менее, мы наблюдаем в газетах этого времени полное отсутствие критики дехристианизаторского движения. Они различаются лишь по величине того места, которое они отводят для описания нечестивых манифестаций и отчетов о них. Мы не находим следов какой бы то ни было кампании печати против дехристианизации. Конечно, дехристианизация эта была (я уже об этом говорил не раз) вначале, главным образом, средством или вспомогательной мерой национальной обороны, защиты революции. Алтарь потрясали и низвергали для того, чтобы обессилить всех этих священников-антипатриотов или, что было тогда равнозначным, контр-революционеров. Патриотизм оживотворял философию, философия вдохновляла и подогревала патриотизм. Если бы образованные французы этого времени не были столь пламенными патриотами, они бы не ополчились так против религии. Но если бы они не были такими пламенными философами, они бы не зашли так далеко в своем разрушении, они бы не создали такой атмосферы воинственного антирелигиозного восторга.

Патриотизм, философия, безразличие деревенских масс - вот что поставило в это время под удар христианскую религию. Мог ли этот удар быть роковым для христианства, если бы насильственное разрушение могло продолжаться? Что является вполне достоверным, так это-то обстоятельство, что большая часть французов этого времени была готова отказаться от религии, что привычка, выросшая в течении нескольких веков, была сломлена. При этом крушение религии носило такой сравнительно безболезненный характер, что историк, каким бы чутким и внимательным ни было его ухо, не в состоянии уловить следов общей скорби французов по религии, всенародного сожаления и тоски по ней. Кто может поручиться, что если бы победы, которые спасли Францию, которые обессилили этих иностранцев, этих контр-революционеров, агентами которых казались священники, что если бы эти победы несколько запоздали, если бы патриотизм мог бы и дальше оживотворять философию, если бы насилие и дальше находило свое объективное оправдание в общественной обстановке, кто может поручиться, что подобная переделка не оказалась бы роковой для христианства во Франции?

IX

Однако, вернемся к фактам. Относительно одного из них я могу ограничиться только намеком - это относительно установления культа высшего Существа, которое не приостановило дехристианизации. Культ высшего Существа явился в действительности лишь продолжением культа Разума, только продолжение это имело робеспьеристские формы.

Робеспьер, пламенный поклонник Жан-Жака Руссо, весьма высоко ставил у него не только красноречивую новизну морали, не только его призыв к природе, как это характерно для стольких современников Робеспьера, но и политико-религиозные идеи Руссо.

В «Общественном договоре» Руссо, заявляя, что не должно быть места в государстве, основанном на этом «договоре», для исключительной национальной религии», провозглашал, однако, «исповедание гражданской веры», которое по существу было ничем иным, как государственной религией. «Есть символ веры, члены которого утвердить подобает суверену - верховной власти (то-есть народу). Они должны быть утверждены не в качестве догм религии, а в качестве чувств общности (sociabilite), без которых невозможно быть ни добрым гражданином, ни верным подданным». Этими необходимыми догматами являются: существование могущественного божества, разумного, благодетельного, провидящего и пекущегося о мире, жизнь будущая, счастье справедливых, крушение и гибель злых, святость общественного договора и законов. Человек волен не верить в эти догматы. Но такой человек должен подвергнуться изгнанию не как нечестивец, а как необщественное существо.

Такова была у Руссо идея культа высшего Существа, которую вскоре многие французы крепко усвоили и превратили в правило жизни для себя. Именно этот культ Робеспьер пытался утвердить во Франции в качестве государственной религии, первосвященником которой он хотел быть. Он дождался для осуществления своего плана того момента, когда эшафот избавил его от противников справа и слева, от дантонистов, которых он отправил на гильотину, как предательски снисходительных и милосердных, от эбертистов, которых он гильотинировал, как предательски атеистичных, вменяя, впрочем, им всем в вину нечестие.

Избавившись от противников, Робеспьер провел в Комитете общественного спасения большой политико-религиозный проект, причем он сам выступил в Конвенте (18 флореаля II года) докладчиком по этому проекту

В своем докладе Робеспьер приспособляет идеи Руссо к современной обстановке. Он обрушивается на людей, которые, продавшись врагу, «набросились вдруг на культ с насилием для того, чтобы утвердить самих себя в качестве пылких апостолов небытия и фанатичных проповедников атеизма». Все не как философ, мол, а как политик, Робеспьер ополчается против атеизма: «В глазах законодателя истиной является все то, что полезно обществу, что хорошо на практике. Идея высшего Существа и бессмертия души является вечным призывом к справедливости, она, значит, является общественной и республиканской идеей». Деизм, мол, был религией Сократа и Леонида¹, «и Шометту далеко до Сократа, а Батюшке Дюшену до Леонида». Все заговорщики были, по словам Робеспьера, атеистами, и он обвиняет в атеизме всех своих казненных противников, Гюадэ, Эбера, Верньо, Жансоннэ, Дантона. Он в качестве проповедника культа высшего Существа разражается анафемой по адресу «секты» энциклопедистов. Превознося Руссо в тоне, в котором Лукреций² выражал свой восторг пред Эпикуром³, Робеспьер обращается в сторону священников с видом, одновременно и раздраженным и обнадеживающим, чтобы противопоставить их испорченному христианству очищенное христианство подлинных служителей высшего Существа. Этот деистический культ должен быть национальным, и он им будет, если все воспитание общественное будет направлено к одной религиозной цели и особенно если все народные и официальные празднества будут посвящены прославлению высшего Существа. Культ этот будет иметь успех, если этого захотят женщины: «О, французские женщины! Нежно любите свободу! Воспользуйтесь вашим могуществом, чтобы утвердить могущество республиканской добродетели».

Однако, волен ли человек быть философом в духе, например, Дидро? Неопределенным, страшным является ответ на это Робеспьера: «Горе тому, кто старается погасить возвышенный энтузиазм!» Новая национальная религия, мол, предоставит людям лишь свободу добра.

¹ ЛЕОНИД - спартанский царь (X в. до р.х.), борец за независимость Спарты. Во главе небольшого отряда в 300 человек сдерживал в Фермопильском ущельи огромные полчища персов. Геройски погиб в этой битве вместе со своим отрядом.

² ЛУКРЕЦИЙ - римский поэт и философ (в I веке до р.х.), последователь Эпикура, автор знаменитой философской поэмы «О природе вещей», в которой Лукреций гениально предвосхитил многие положения современного научного мировоззрения. Ему же принадлежит знаменитая формула: «Первых богов родил страх».

³ ЭПИКУР - древне - греческий философ, живший в VI веке до р.х. Учение его носило материалистический характер. Он между прочим отрицал загробную жизнь.

«Повелевайте победе, говорит Робеспьер, но особенно старайтесь уничтожить порок. Испорченные люди - вот кто враги республики». Итак, порок - это атеизм, а атеистами являются все те, кто в вопросах религии (или даже политики) не думает так, как Робеспьер. Таким образом, свободы религиозной никак не могло быть в случае утверждения нового культа.

На заседании 18 флореаля II года (7 мая 1794 г.) был принят в Конвенте декрет, учреждающий и организующий культ высшего Существа. Самое учреждение культа предусматривается тремя первыми параграфами декрета, сформулированным так: 1) Французский народ признает существование высшего Существа и бессмертия души. 2) Он признает, что достойным высшего Существа культом является выполнение обязанностей человека. 3) На первое место среди этих обязанностей он ставит обязанность гнушаться дурной веры и тирании, карать тиранов и изменников, помогать несчастным, уважать слабых, защищать угнетенных, делать другим всякое возможное добро, не быть несправедливыми ни к кому». Организация культа предусматривается пунктами декрета, которые говорят об учреждении праздников для того, чтобы «напоминать человеку о божестве и достоинстве его собственного существа». Кроме четырех политических праздников, годовщин 14 июля 1789 г., 10 августа 1792 г., 21 января 1793 г., 31 мая 1793 г.¹, в году должно было быть еще 36 праздников, запечатленных названиями «добродетелей, наиболее дорогих и полезных человеку, и величайших благодеяний природы». На первом месте среди этих праздников должен был стоять «праздник высшего Существа и Природы». «Природа» затем исчезла из названия праздника. В этом же декрете имеется пункт, согласно которому 20-го прериала должен был состояться первый праздник, посвященный только высшему Существу.

Перед голосованием декрета, так как внесено было требование напечатать доклад Робеспьера, Кутон заявил, что этой обычной почести в данном случае недостаточно, что само «Провидение было бы оскорблено», если бы ограничились только напечатанием доклада, что настоящий доклад и декрет должны быть вывешены на улицах и переведены «на все языки».

23-го флореаля Комитет общественного спасения постановил, чтобы на фронтисписе всех зданий, которые были посвящены культу, надпись «Храм Разума» была заменена словами: «Французский народ признает высшее Существо и бессмертия души», чтобы в течение месяца национальные агенты в каждый десятый день читали народу в храмах доклад и декрет. Это постановление было как-будто исполнено повсюду. Во многих местах новая надпись была выгравирована золотыми буквами. Имело место и заявление с просьбой принять культ высшего Существа на счет государства. Мэр Парижа, робеспьерист Флерио-Леско, в своей прокламации, обращенной к парижанам, утверждал, что бог не преминет вознаградить Францию за декрет 18-го флореаля: «Изобилие уже у дверей, говорит он, оно ждет вас. Высшее Существо, покровитель свободы народов, повелело природе заготовить вам обильный урожай. Оно сохраняет вас: будьте достойны его благодеяний».

Согласие якобинцев на все это было не очень легко получено Робеспьером. Молодой Жюльен, член Комиссии общественного воспитания, а, значит, и член правительства, дошел даже в клубе, защищая предложение Робеспьера, до утверждения, что религиозное чувство является душой патриотизма и что солдаты, посланные против вандейцев, могли идти на смерть, только надеясь «попасть на лоно божества». Якобинцы, однако, колебались. В клубе развернулись оживленные прения.

¹ РЕСПУБЛИКАНСКИЕ ГОДОВЩИНЫ: 14 июля 1789 г. - день взятия Бастилии. В этот день парижское население, массы рабочих, мелкой буржуазии выступили с оружием в руках против старого режима. 10 августа 1792 г. - день революционного выступления парижских масс, приведшего к падению монархии и к провозглашению республики. Центром этого выступления было рабочее Сентантуанское предместье. Участниками его были трудовые низы населения. Лозунгами движения были: устранение короля, отмена цеховой конституции, созыв Национального Конвента. Непосредственными результатами 10-го августа были: арест короля, падение монархии, отмена цензового голосования, предоставление демократии права на оружие, созыв Национального Конвента и т.д. 21 января 1793 г. - день казни Людовика XVI. 31 мая 1793 г. - день революционного выступления парижских секций, приведшего к аресту и падению жирондистов. См. страницы календаря в нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/sept_ev.htm.

Робеспьеру и Кутону пришлось вмешаться в них и вызвать на сцену призрак «иностранный заговора». Робеспьеру пришлось даже опровергать и настаивать на опущении в адресе, предложенном Жюльеном, отрывка, в котором тот требовал по Руссо изгнания из пределов Республики тех, кто не верит в существование бога. Только подвергшись такому исправлению, адрес был принят. Однако, скрытое недовольна;) якобинцев скоро сказало в избрании Фуше председателем их клуба, состоявшемся 18-го прериала, за два дня до праздника высшего Существа. Когда адрес был прочитан в Конвенте, Карно¹, который председательствовал в этот день, ответил холодно, высказываясь скорее в духе Дидро, как бы путая бога с природой, и оттенками своей речи дал почувствовать, насколько это возможно было сделать, не рискуя головой, что в душе он не сочувствует этому культу и понтификату Робеспьера.

Это была лишь весьма скромная и робкая оппозиция. Одно событие позволило Робеспьеру не обращать внимания на эту оппозицию. 4-го прериала была задержана молодая девушка, Сесиль Рено, по подозрению в намерении убить Робеспьера. Последний получил, таким образом, облик мученика, мученика новой религии. Событие это вызвало во многих частях Франции сильное сочувственное движение в пользу Робеспьера, в бумагах которого найдены письма, где к нему обращались не только как к первосвященнику, но как к богу. Множество депутатий потянулось к решетке Конвента, чтобы возблагодарить высшее Существо за спасение Робеспьера.

16-го прериала Робеспьер был избран председателем Конвента на очередные пятнадцать дней, а это наперед обеспечивало за ним первую роль на празднике 20-го прериала, который, действительно, прошел под председательством Робеспьера. Это было красивое празднество, подготовленное и организованное Давидом, не менее величественное, чем католические праздники, но имевшее совершенно иные формы. Робеспьер произнес речь, поджег статую атеизма, нашел для этого момента благородные слова и благородные жесты. Публика не слышала угрожающих насмешек, отпускаясь позади Робеспьера и против него его коллегами, которые следовали за ним в шествии. Робеспьер выступал в этот день во всей славе своей, он казался одновременно и главой правительства и главой религии, первосвященником и диктатором.

Этот культ высшего Существа казался некоторым современникам, оглядывавшимся назад, реакцией, не только официальной, но и народной, против культа Разума. Говорят, что некоторые невежественные католики настолько заблуждались в смысле этого культа, что увидели в нем первый шаг к восстановлению католицизма. Аббат Грегуар уверяет, что некоторые старухи явились на праздник 20-го прериала со своими молитвенниками. Однако, французский народ в массе своей вовсе не испытывал этого ощущения. Вопреки замене на храмах надписи, посвященной культу Разума, культ высшего Существа означал, как и культ Разума, для воинствующих патриотов, для санкюлотов, особенно в департаментах, разрушение и замену католицизма. До декрета 18-го флореаля французы, почитая Разум, мнили себя почитателями бога, после этого декрета те же французы, почитая бога, мнили себя поклонниками Разума, раз Разум рассматривался лишь как эманация бога. Мы уже видели, что и дехристианизация продолжалась полным ходом. Да оно и в действительности не было глубокого изменения в новом национальном и философическом культе, введенном на месте католицизма в католических храмах. И под видом высшего Существа, и под именем Разума - французы в эти времена поклоняются, прежде всего, отечеству, и культ высшего Существа, как и культ Разума, очень скоро должен был в глазах народа, плохо различавшего оба названных культа один от другого, слиться с патриотизмом и потонуть в нем.

А л ь ф о н с О л а р

ХРИСТИАНСТВО и ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789 – 1802

¹ КАРНО, ЛАЗАРЬ (1753-1823) - ученый математик, весьма влиятельный член Национального Конвента, якобинец. Был бессменным членом Комитета общественного спасения и Директории. Ему принадлежит заслуга блестящей организации военной обороны революции. Он создал 14 армий Республики и разрабатывал планы большей части военных кампаний революции. Прозван «Организатором победы». При реставрации 1815 г. был изгнан. См. в нашей библиотеке: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#carnot>.

Патриотизм, пламенный и религиозный в моменты национальной опасности, не имел уже этого религиозного характера, этой пылкости, - после того, как победа при Флерюсе обеспечила независимость Франции. Патриотическое пламя улеглось: оно не оживотворяло больше своим жаром культа высшего Существа, который скоро зачах, особенно после того, как исчез его первосвященник.

ГЛАВА IV. ОТДЕЛЕНИЕ ЦЕРКВИ от ГОСУДАРСТВА (1794-1802 г.г.)

I

Гражданская Конституция духовенства не была отменена формально даже тогда, когда христианство казалось совершенно разрушенным. Правительство продолжало более или менее регулярно платить жалование служителям католического культа, как отрекшимся, так и не отрекшимся. Мысль о прекращении уплаты этого жалования мелькает не раз за это время в печати, в клубах, даже на трибуне Конвента (как мы это уже видели), но она не имела успеха.

В конце-концов, когда военные победы положили конец террору, получилось впечатление, что связь церкви с государством стала невыносимой в виду той контр-революционной позиции, которую заняло духовенство в целом, даже конституционное духовенство. Вместе с тем, невыносимым стало казаться теперь, когда ослабела пружина революционного нажима, насильственное разрушение христианства. Республика уже больше не была в опасности, положение могло скоро сделаться нормальным. Декрет от 16 фримера II года, провозгласивший свободу культов, вовсе не был отменен, хотя он нарушался почти всюду. Наконец, идея светского государства была подсказана самим опытом. Умы, значит, были подготовлены к отделению церкви от государства. Во вторую санкюлотиду II года (18 сентября 1794 г.) Камбон от имени Комитета финансов предложил так же, как и в ноябре 1792 г., но на этот раз более кстати, упразднить бюджет культов. Он ссылаясь, главным образом, на финансовые соображения, но не преминул грубо и презрительно высказать и ряд политических и философских доводов против религии. Он показал, что государство должно быть независимым от всякой религии. Если государство, сказал он, провозгласит какой бы то ни было религиозный принцип, то оно сейчас же будет иметь перед собой духовенство, требующее жалованья. Разве не потребовали, мол, уже жалования служители культа высшего Существа?

Проект Конвента был принят Конвентом. Принятие его было встречено аплодисментами.

Вот основной принцип его: «Французская Республика не платит больше издержек и жалования по какому бы то ни было культу». В качестве переходной меры принято было решение оказывать ежегодное вспомоществование как служащим священникам, так и отрекшимся.

Этот декрет, если судить о нем по докладу, не был внушен ни духом благожелательства в отношении католицизма, ни даже духом свободы. Весьма возможно, что Камбон, как он и говорил, видел в этом декрете лишь меру экономии государственных средств и что Конвент принял этот декрет лишь, как средство борьбы с церковью. Тем не менее, декрет этот был как-будто истолкован повсюду, как акт разоружения в отношении христианства: в нем усматривали если не начало свободы, то, по крайней мере, надежду на эту свободу.

Однако, дехристианизация отнюдь не прекратилась. Так, например, 3-го фримера III года в Альби уполномоченные Конвента Маллармэ и Буйеро запретили всякое отправление культа в этой области, всякие собрания, за исключением тех, которые устраивались для празднования десятого дня: «Если случится, говорят они, что под предлогом богослужения несколько граждан соберутся где бы то ни было, даже в своем жилище, то такие граждане будут объявлены подозрительными и с ними поступят, как с таковыми). Такое террористическое постановление было издано уполномоченными, несомненно, из-за волнений, но самый стиль этого» постановления говорит за то, что ревность его авторов имела не только патриотическую, но и философскую подоплеку.

27 брюмера III года Конвент по докладу Лаканалья принял декрет о том, что мы называем теперь светским первоначальным обучением: религия была изгнана из школ и заменена усвоением Декларации Прав, Конституции, начал «республиканской морали». Непроданные церковные дома должны были служить квартирами для школьных наставников.

Мы имеем налицо почти официально засвидетельствованный план разрушения христианства, которого не могли разрушить силой, путем воспитания, распространения просвещения, даже путем насаждения патриотизма.

Этим намерением проникнут доклад об организации декадных праздников, вопрос о которых стоял уже давно, сделанный 1 нивоза III года Мари-Жозефом Шенье от имени Комитета общественного воспитания. Шенье полагает, что нельзя разрушить то, что он называет предрассудками, фанатизмом (разумей христианство или, по крайней мере, католицизм), ничем иным, кроме учреждений и воспитания. Он предлагает поэтому учредить в принципе гражданский праздник, приходящийся на каждый десятый день и обязательный для всех коммун Республики. В этот день народу будет преподаваться моральное наставление, в этот день будут распевать патриотические гимны, танцевать и веселиться «спонтанно» (от души). Конвент утвердил один из пунктов этого проекта.

Во время прений по этому проекту произошел инцидент, поразивший умы. Член Конвента Грегуар, конституционный епископ, появился на трибуне в духовном облачении, и произнес большую речь, в которой он требовал свободы культов, в которой он также противопоставлял христианский дух философскому, открыто призывая к воскрешению католицизма, заявляя во всеуслышание, что, по его убеждению, Республика будет существовать лишь тогда, когда она сделается христианской. Конвент единодушно перешагнул через предложение Грегуара и перешел к порядку дня.

Однако, речь эта произвела огромное впечатление и послужила сигналом к почти самопроизвольной реставрации католицизма.

В департаменте Луар-э-Шер, в епархии самого Грегуара, церкви открываются с января 1795 г., и конституционное духовенство возвращается к служению в этих церквях. В других местах, например, в Ду, восстановление алтарей производится ослушным духовенством. Уполномоченные Комитета общественного спасения сами воскрешают богослужение в Бретани и Вандее. Это движение религиозной реставрации становится общим. С другой стороны, это ведь - то время как раз, когда Конвент начинает те переговоры, которые должны привести к базельским трактатам¹, и как во времена Робеспьера, Конвент и ныне старается не иметь облика атеистического или даже нечестивого правительства.

II

Вот почему католицизму было предоставлено немного легальной свободы декретом от 3 вантоза III года (21 февраля 1795 г.), принятым по докладу Буасси д'Англа.

Докладчик восторгается отделением церкви от государства: «Граждане, говорит он, культ изгнан из управления, он туда не вернется больше». Затем он объявляет католичество нетерпимой, деспотичной, кровавой, глупой, бессмысленной и пагубной религией. Идеальным было бы положение, когда вместо исповедывания религии «люди просветились бы светом разума и были бы связаны друг с другом лишь связями, основанными на общем интересе, на началах социальной организации, на том повелительном чувстве, которое побуждает людей сблизиться между собой и горячо любить друг друга». Лишь «мудростью законов» Конвент подготовит «нераздельное царство философии, нераздельное владычество морали». «Скоро с этими бессмысленными догмами будут знакомиться лишь для того, чтобы их отвергли путь с презрением... Скоро религия Сократа, Марка-Аврелия, Цицерона будет религией мира». Но для того, чтобы достигнуть этого, будем действовать медленно, подобно природе. Никакого эбертизма, никаких преследований!

Альфонс Олар

ХРИСТИАНСТВО И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1789 – 1802

¹ БАЗЕЛЬСКИЕ ТРАКТАТЫ - два мирных договора, заключенные республикой в 1795 г. с Пруссией и Испанией в Базеле. По первому договору Пруссия признала французскую республику и уступила ей левый берег Рейна. По второму Испания также признала республику и уступила ей часть острова Гаити. Оба трактата были крупной международной победой республики.

Москва: «Атеист». 1925

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Таким образом, план замены христианства «естественной религией» снова появляется на сцене. Дехристианизацию нельзя было провести насильственным путем, ее надеются осуществить теперь при помощи свободы, выработав, однако, хороший закон об управлении.

Этот закон от 3 вантоза III года провозглашает свободу всех культов, передает в руки исправительных органов управления тех, кто будет противодействовать отправлению культа или оскорблять его, объявляет, что государство не обеспечивает никаких служителей культа жалованием или квартирой, запрещает всякие внешние церемонии, всякие внешние надписи и знаки, а равно и публичное отправление культа. Никто не имеет права показываться публично в облачении, украшениях и одеяниях, связанных с религиозными церемониями. Всякое богослужбное собрание должно проходить под наблюдением полиции. Коммуны не имеют права доставлять или сдавать в наем помещения для культа. Нельзя производить вечные или пожизненные вклады на надобности культа, нельзя устанавливать никаких налогов на предмет содержания культа.

Тотчас же везде, в Париже и в департаментах, началось стихийное движение в пользу реставрации католицизма. В движении этом приняли участие две параллельных и враждебных католических организации: ослушное духовенство и духовенство конституционное.

Ослушные клирики, эмигрировавшие за границу, тайком возвращаются один за другим во Францию. Они более богаты, более энергичны и пылки, чем конституционное духовенство. Они действуют по команде папы: некоторые из них вернулись из Рима. Другие же священники, прятаясь до сих пор в надежных убежищах в самой Франции, ныне появляются публично.

Конституционное духовенство не имеет больше легального существования. Однако, именно оно пользуется еще благожелательным отношением со стороны властей, поскольку ослушные священники обретаются еще под ударом законов об изгнании и преследовании контр-революционеров.

Именно на конституционных обеднях присутствуют муниципальные власти и уполномоченные центрального правительства.

Вначале это бывшее официальное духовенство было несколько обескуражено той выгодой, которую ослушные сумели извлечь из закона 3-го вантоза. Однако, Грегуар сумел подбодрить его и, действительно, организовать. Именно Грегуар был первым, который осмелился поведи себя как епископ: 22 вантоза III года он обратился к своей епархии с пастырским посланием, в котором он проводит идею воссоединения Революции и христианства: «Корабль Революции, писал он, и корабль церкви, борющиеся с бурями, поплывут вместе и счастливо доберутся до гавани».

Тремя днями позже, 25-го вантоза, конституционные епископы, собравшиеся в Париже, обратились с энцикликой «к своим братьям, другим епископам, и к свободным церквам». Они радуются по поводу отделения церкви от государства. Они реорганизуют галликанскую церковь, подтверждают выборность епископов, посвящаемых их коллегами, сохраняют церковное районирование Республики, установленное в 1790 г., а равно и приходы. Это-та же гражданская Конституция духовенства, только не связанная с государством и не освященная им.

Епископы эти основывают «Общество христианской философии», состоящее из клириков и мирян, душой которого является Грегуар. Они обзаводятся периодическим органом «Анналы религии», несколькими месяцами позже они опубликовывают новую энциклику, которая содержит «регламент, призванный служить для восстановления галликанской церкви». Они заявляют в ней, что управление в христианской республике (т.-е. в церкви) не является монархическим: некоторая власть в ней принадлежит лишь собранию епископов, являющихся преемниками апостолов. Конституционные епископы объявляют себя сторонниками четырех пунктов 1682 г.¹ и сообщают о созыве национального Собора 1 мая 1796 г.

¹ 4 ПУНКТА 1683 г. - постановление, принятое Собранием французского духовенства в 1682 г: 1. Бог не предоставил ни апостолу Петру, ни его преемникам никакой власти над мирскими делами. 2. Галликанская церковь одобряет постановление Констанцского собора, по которому вселенские соборы стоят выше папы в вопросах духовных 3. Правила, обычаи и практика, принятые в королевстве и в галликанской церкви, должны

Эта конституционная церковь, таким образом, воскресла. Она снова живет, однако, она бедна. Она не может так легко, как ослушное духовенство, находить для себя помещения и часовни. Когда генерал Гош в Бретани предложил конституционному епископу Лекозу отправиться с проповедью по деревням, тот ответил ему: «Где я стану собирать крестьян, если они совершенно не имеют церквей?»

Скоро по всей Франции началось общее движение в пользу возвращения церквей, а кое-где народ громко начал требовать открытия храмов.

III

11 прериаля III года Ланжюинэ от имени Комитетов управления сделал доклад, в котором он изображал возвращение церквей верующим, как средство привязать умы к республике. Он говорил, «что немислимость наблюдения за всеми культовыми собраниями, происходящими в частных помещениях, что крайняя легкость превращения этих собраний в средство распространения смуты и фанатизма одни уже должны были бы побудить Конвент разрешить использование церквей». Однако, он требовал, чтобы все служители культа для того, чтобы быть допущенными к богослужению, заявили о своем подчинении законам Республики. Соответствующий декрет и был принят Конвентом после этого доклада. Декрет разрешал гражданам временно пользоваться неотчужденными церквями с условием содержать и чинить их. «Когда граждане одной и той же коммуны или секции отправляют культы, различные или считающиеся таковыми, когда эти граждане все домогаются получения одного и того же помещения, то храм должен быть для них общим и муниципалитеты обязаны под наблюдением администрации наметить для каждого культа подходящие для него дни и часы с тем, чтобы было соблюдено общественное благочестие, чтобы сохранены были порядок и спокойствие. Штраф в тысячу ливров должен служить карой для служителей культа, которые приступят к богослужению, не заявив о своем подчинении законам Республики».

Этот декрет от 11-го прериаля вернул культу в Париже 12 церквей, т.-е. по одной церкви на каждый район. Число это скоро выросло до 15. 24-го термидора (11 августа 1795г.) ключи от собора богородицы были вручены «Католическому обществу», в состав которого входили Грегуар, Ажье, Руайе, Сорин и разные другие представители бывшего конституционного духовенства. Четырьмя днями позже общество это справило там праздник Зачатия, а затем, разделив этот храм несколько времени спустя с теофилантропами, это «общество» устраивало здесь свои богослужения вплоть до Конкордата, после которого Наполеон немедленно выставил за двери собора бывших конституционных клириков. В департаментах подобные общества были организованы во многих местах.

26 прериаля III года циркуляр законодательного Комитета разъяснил, что заявление о подчинении законам Республики вовсе не относится к прошлому, что гражданской Конституции духовенства больше не существует, что, следовательно, церкви так же могут быть даны тем, кто присягал этой Конституции, как и тем, кто ей не присягал. В какой мере ослушное духовенство выгадало от этого разрешения? Подробные сведения, относящиеся к этому вопросу, у нас отсутствуют. Маловероятно, чтобы при тогдашнем состоянии умов ослушное духовенство могло получить много храмов и пользоваться ими, особенно если принять во внимание, что оно отказывалось от сожительства с другими культами. Оно, несомненно, довольствовалось почти везде теми же часовнями и помещениями, которыми оно пользовалось раньше. Однако, ныне оно могло это делать вполне легально. Оно могло открыто проявлять всю свою ревность к вере. Это духовенство, верное папе, пользовалось больше симпатиями народа, особенно в деревнях, но не из-за своей верности папе, а потому, что оно являлось старым духовенством, тогда как бывшее конституционное духовенство пользовалось больше симпатиями буржуазии и горожан, я бы сказал, симпатиями части этой буржуазии и части этих горожан.

Возрождению католицизма благоприятствовала даже самая конкуренция этих двух сект. При содействии галликанцев и ультрамонтанов большая часть народа возвратилась к культовым привычкам.

Протестанты начали устраивать свои богослужения вскоре после падения Робеспьера. Пастор Маррон со времени своего освобождения служил в церкви Сен-Луи. Протестантская паства выросла за годы революции, так что протестантская консистория сняла еще одну церковь, которая зависела от бывшего монастыря Посещения (девушки Марией Елизаветы).

IV

7 вандемьера IV года (29 сентября 1795 г.) Конвент принял большой закон об общем управлении культов, который поглотил все предшествовавшие ему законы о культе.

Закон этот снова провозглашает принцип свободы культов и отделения их от государства. Он дает формулу новой присяги: «Я признаю, что совокупность французских граждан является верховной властью, и обещаю подчиняться и повиноваться законам Республики». Закон этот устанавливает ряд гарантий против превращения какого-либо культа в исключительную и господствующую религию. Никакой религиозный обряд не может совершаться вне отведенных для культа храмов. Исключения составляют лишь частные дома, если в них собирается не больше десяти верующих. Последняя оговорка направлена против ослушного духовенства, которое подозревалось в устройстве контр-революционных махинаций на собраниях верующих. Из остальных главных мероприятий по управлению культурами назовем, во-первых, запрещение к опубликованию всякого писания, которое исходит от служителя культа, живущего вне пределов Франции, во-вторых, назначение пожизненного заключения в качестве кары для всякого служителя культа, призывающего к восстановлению монархии или к контр-революционным действиям, в-третьих, назначение двухлетнего заключения в качестве кары для священников, высказывающихся против продажи национальных имуществ.

Это был закон, соответствовавший обстановке, создавшейся в стране, только что вышедшей из состояния гражданской войны, это был полицейский закон, однако, вместе с тем, и, главным образом, это был закон о свободе культов.

Этот закон дал возможность возродиться тому католицизму, который недавно был как-будто окончательно раздавлен напором революции, в среде народа, который в религиозном отношении распадался на неверующее меньшинство, на меньшинство верующее и на безразличную массу.

Бывшее конституционное духовенство воспользовалось новой свободой, встав на сторону этой республики, которая снова открыла храмы. Ослушное духовенство тоже использовало эту свободу, но часто для того, чтобы сеять мятеж. Эмигрировавшие священники вернулись во Францию в огромном количестве. Вот почему 3 брюмера IV года Конвент предписал приводить в исполнение в суточный срок законы, изданные в 1792 и 1793 гг. против священников, подлежащих изгнанию и заключению, отменив в то же время те постановления своих Комитетов и уполномоченных, которые могли бы противоречить этим законам. Конвент стремился поразить мятежников и смутьянов, но не как священников, а как граждан. Он сохранял религиозную свободу для тех, которые подчинялись законам.

Таким-то образом был установлен тот строй, который мы называем отделением церкви от государства, который получил свое определение в конституции III года в следующих выражениях. 354 параграф ее гласит: «Никто не должен встречать помехи в отправлении избранного им культа, если оно сообразуется с законами. Никто не может быть принужден к участию в расходах на культ. Республика не содержит на свой счет ни одного из культов». Этот строй продержался до введения Конкордата, до 1802 года, т.-е. в течение семи лет.

В другом месте (в моей «Политической истории революции», в моих «Этюдах и уроках») я уже набросал историю этих семи лет отделения церкви от государства. Многие историки видели и подчеркивали в этой истории лишь преследования, чинившиеся исполнительной Директорией, которая была более «антиклерикальной», чем Конвент. Характерно, что Директория эта выслала, особенно после своего государственного переворота (18 фруктидора V года), много ослушных священников, подозревавшихся в контр-революции.

Однако, в эти годы все же существовал строй светского государства. Во Франции существовала свобода культов, какая только допускалась обстоятельствами и состоянием общественных страстей в стране, которая еще недавно истекала кровью в войне с иностранцами и в гражданской войне, еще не совсем погасшей. Культы сосуществовали вен Франции, не очень ладно, иногда грызясь между собой, но все же сосуществовали. Религиозная жизнь проснулась в народных массах, а среди избранного общества процветала философия. Во Франции не было в это время господствующей религии, никакая секта не могла получить преобладания над другими культурами и угнетать их. Строгости Директории, были ли они справедливы или несправедливы, законны или произвольны, направленные против самой значительной из этих сект, против папистской, помешали ей получить перевес над остальными. Установилось своего рода религиозное равновесие при полной независимости государства от культа.

V

Ниже я даю общий очерк религиозных сект, а также философских, рационалистических группировок, существовавших в годы отделения церкви от государства.

Реорганизация католического культа в обоих его течениях закончилась довольно быстро. В «Анналах религии» от 6 мессидора VI года мы читаем: «В начале вандемьера текущего года, т.-е. в конце сентября (1797), в палатах министерства финансов был произведен подсчет всех коммун, которые возобновили публичное отправление культа. Девять месяцев назад таких коммун насчитывалось уже 31214. Кроме того, 4511 коммун обратились с требованием разрешить им возобновление публичного богослужения. Наконец, в этот список не вошел Париж, в котором все большие коммуны считались каждая лишь за одну церковь. Вот приблизительно уже все наши 40000 прежних приходов». Таким образом, два года спустя после отделения церкви от государства католицизм был восстановлен по всей Франции.

Мы видим, что в эти годы было уже много открытых церквей: открыты были почти все приходские церкви. Интересно было бы знать, посещались ли они теперь таким же количеством верующих, какое посещало их до попытки дехристианизации. Я не думаю, чтобы это было так, но у нас нет никакой статистики по этому вопросу. Во всяком случае, можно утверждать, что теперь законами и официальным общественным мнением вполне разрешалось человеку жить без всякой религии. Больше того, можно считать достоверным, что философское неверие являлось в эти годы модным в правительственных кругах, что эта мода усиленно поддерживалась и распространялась почти всей левой печатью. В эти годы было, наверное, много таких граждан, которые до 1793 г. ходили на обедню, а теперь перестали ходить, это были воинствующие патриоты, весьма многочисленные, особенно в городах. С другой стороны, по сведениям, имеющимся у нас относительно сартского департамента, мы знаем, что были такие крестьяне, которые до 1793 г. не ходили в церковь, а теперь после восстановления католичества принялись ходить, при чем делали они это, быть может, не столько потому, что они воспылали верой, а из-за политического протеста или из подражания окружающим. Количество такого рода новообращенных не могло быть, конечно, столь значительным, чтобы возместить отход от религии вольнодумцев, которым придали смелости новые законы и новые нравы.

В какой же пропорции находились между собой в этом множестве вновь открытых приходов паписты и не-паписты? Каково было численное соотношение между двумя католическими сектами?

Никакое точное исчисление здесь, разумеется, немислимо. Однако, все свидетельства говорят за то, что ослушное духовенство имело более значительную паству, чем конституционное. Однако, эта галликанская церковь, созданная Учредительным собранием и сделавшаяся теперь неофициальной, имела еще достаточно прихожан и служителей, чтобы вызванный ею раскол продолжал быть опасным для римской церкви. Мы располагаем цифрами лишь относительно епископата.

Из доклада Грегуара мы знаем, что в V году из 83 епископов, избранных или удержанных на месте в 1790 г., осталось 41. Из 42 недостающих 9 женились, лишившись, таким образом, сана, 6 ушли на покой, 6 не вернулись к своим обязанностям, 8 были гильотинированы, 13 умерли естественной смертью. Из 42 вакантных епископских кафедр верующими были замещены только 3, в Кольмаре, Версале и Сент-Омере.

Однако, большинство епископских кафедр было все же занято, так что можно сказать, что конституционная церковь была реорганизована.

Вначале «корабль республики» и «корабль церкви» плыли вместе, как предсказал Грегуар. Однако, согласие это тянулось недолго. Вопрос о женитьбе священников, в котором конституционная церковь обнаружила непреклонность, а также вопрос о праздновании десятого дня, в котором указанная церковь тоже оказалась несговорчивой, внесли охлаждение в отношения между конституционной церковью и государством, причем охлаждение это превратилось почти в ссору после государственного переворота 18 фруктидора V года.

Эта ссора или полуссора не помешала, однако, Директории разобрать, что ей политически полезно оказывать покровительство раскольникам против папы, вот почему она позволяла конституционному духовенству созывать синодальные собрания и национальный собор. Собор этот, назначенный сначала на 1 мая 1796 г., состоялся гораздо позже в Париже, в соборе богоматери; он продолжался с 15 августа 1797 г. по 12 ноября. Собор заявил, что он отнюдь не хочет раскола. Он предложил папе мировую сделку и послал ему так называемый «декрет примирения». Папа остался глухим к выступлению конституционной церкви. Эта соглашательская позиция конституционного духовенства позволяет думать, что оно не надеялось на укрепление своего авторитета среди французского народа, что оно не видело роста и умножения своей паствы. Однако, конституционная церковь все же существовала, она была сильна, она имела внешний блеск, она мешала римской церкви снова сделаться господствующей.

Папистская церковь тоже потеряла многих своих епископов. Умерло из них 41. Не все они эмигрировали, как это утверждают иногда. Одиннадцать из них никогда не покидали Франции: это были епископы Труа, Шалона-на-Саоне, Марсея, Анжера, Сээза, Санли, Дуэ, Сен-Папуля, Лектура, Масона, Сарля.

Из эмигрировавших епископов один, по крайней мере, д'Авио, вьеннский архиепископ, вернулся во Францию при Директории. Некоторые из отсутствовавших епископов пытались управлять своими епархиями издалека. В некоторых вакантных епархиях (Людовик XVIII тогда, в своем изгнании, не заполнил ни одной вакансии), имелись апостолические викарии. Однако, у нас нет даже приблизительных статистических данных относительно тех старорежимных епархий, которые были теперь реорганизованы. Что же касается ослушных священников и их помощников, то несмотря на аресты и ссылки, очень многие из них продолжали свое священнослужение.

Римско-католический культ оказался в общем после того, как отделение церкви от государства утвердилось, в весьма цветущем состоянии, если судить по Парижу (ибо о Париже мы, главным образом, и имеем сведения). Во время празднования Пасхи в апреле 1797 года (в жерминале V года), если верить одному из служителей этого культа, аббату Де-Булонь, римское богослужение совершалось в 50 церквах и часовнях. После 18-го фруктидора правительство закрыло часовни и молельни. Однако, папистское духовенство могло свободно совершать свое богослужение при большом стечении верующих в восьми парижских церквах: Сен-Жервэ, св. Фомы Аквинского, св. Филиппа Рульского, св.Лаврентия, св.Евстахия, св.Иакова, св.Рока, св.Николая. Служителям культа приходилось только приносить новую присягу, присягу ненависти к королевской власти и анархии. Часть ослушного духовенства принесла уже раньше под влиянием аббата Эмэри присягу подчинения, ныне те же или приблизительно те же клирики принесли и новую республиканскую присягу. Те, весьма многочисленные священники, которые пытались продолжать священнослужение, не принося присяги, были арестованы.

Остальные христиане, обе протестантских секты, лютеране и реформаты, не заставляли, так сказать, говорить о себе в годы отделения церкви от государства. То же приходится сказать и об израэлитях. Послушные закону протестанты и евреи ограничивались тем, что они втихомолку использовали свободу, полученную ими после вековых преследований. Правительство как-будто не уделяло никакого внимания ни одним, ни другим.

Что касается философских и рационалистических группировок, то они, родившиеся из дехристианизаторского движения, имели поддержку правительства.

Директория думала, в некоторые моменты, по крайней мере, что она не должна ограничиваться ролью верховного судьи в этом состязании церквей. Она заняла позицию, философски и политически враждебную римско-католической церкви. Наиболее яркое и чистое выражение ее видов и намерений мы находим в послании Директории генералу Бонапарту, командующему итальянской армией, датированном 13 плювиоза V года и подписанном Баррасом, Рейбеллем и Ларевельер-Лепо. Они пишут ему, что «католическая религия всегда будет непримиримым врагом республики». Необходимо раздавить ее в Париже, необходимо сразить ее в Риме: Имеются, несомненно, пишут они, меры внутреннего употребления для того, чтобы незаметно свести на-нет ее влияние законодательным ли путем или путем создания учреждений, которые вытравят бы старые впечатления и заменили их новыми, более соответствующими существующему порядку вещей, более сообразными разуму и святой морали. Но имеется еще одно мероприятие, быть может, не менее существенное для достижения желанной цели: необходимо разрушить, если это возможно, самый центр, объединяющий римскую церковь, и это вам, соединяющему в себе качества отменного генерала и просвещенного политика, надлежит выполнить эту задачу, если вы считаете ее осуществимой».

Это был момент, когда победы итальянской армии должны были, как казалось, повергнуть папу к ногам французского правительства.

У себя, во Франции, Директория стремилась вытравить мало-помалу из национального сознания «откровенную» религию путем воспитания. В систему этого воспитания входило не только светское народное образование, но и введение гражданских праздников в форме декадного культа, который призван был служить такой же национальной религией, как и культ высшего Существа, при полной, однако, свободе соревнующих частных культов.

Конвент перед роспуском учредил праздники, приуроченные к каждому десятому дню. Праздники эти справлялись весьма пышно и до 18-го фруктидора, однако, лишь после государственного переворота эти декадные праздники приобрели характер общеобязательности, такой же характер государственной религии, какой имел культ высшего Существа. Это был все тот же патриотизм в религиозной форме, все тот же патриотизм, алтари которого стихийно вырастали во всех углах Франции в 1790 г., во время народного движения, во время федераций. Это движение поостыло с тех пор, как отечество уже не было больше в опасности. Именно это движение Директория пытается воскресить, главным образом, для того, чтобы нанести удар католицизму.

Директория издала, прежде всего, ряд законов и постановлений о строгом соблюдении республиканского календаря, которое абсолютно должно было исключать употребление старого христианского календаря в какой бы то ни было форме. Десятый день (Декади) получил все привилегии воскресенья, которое было запрещено праздновать каким бы то ни было способом.

Что касается гражданских праздников, то в каждом кантоне на десятый день каждой декады пред алтарем отечества, воздвигнутым обычно в приходской церкви или «во всяком помещении, предназначенном для собирания граждан», должны были являться по закону 13 фруктидора VI г. члены муниципальной администрации, комиссар Директории и секретарь в парадных костюмах и прочитывать народу законы и распоряжения властей, «Десятидневный Бюллетень общих дел Республики», который должен был содержать также примеры гражданской доблести и добродетели, образовательные статьи о земледелии и ремеслах.

Венчание должно было совершаться только в десятый день и в том же помещении. Учителя и учительницы, как общественных, так и частных школ, должны были регулярно приводить сюда своих учеников. Каждое такое праздничное декадное собрание должно было сопровождаться играми и гимнастическими упражнениями.

На практике Директория, несмотря на все свое рвение и настойчивость, немногого добилась в смысле утверждения декадного праздника. Бывшее конституционное духовенство оказалось в этом вопросе столь же несговорчивым, как и папистское духовенство, и, если некоторые представители его кое-где подчинились, то они делали это неискренно. Борьба между господином Воскресеньем и гражданином Декади, как выражались тогдашние памфлеты, не давала полного перевеса ни одному, ни другому. Крестьяне привыкли к воскресенью и цеплялись за него, быть может, еще крепче своих священников. По всей видимости в сельской Франции нельзя было бы добиться тогда замены воскресного отдыха декадным. Случилось так, что во многих местах крестьяне соблюдали декади, не переставая соблюдать воскресенье.

В приходских церквях декадный культ сожительствовавал с другими культурами. Так, например, центральная администрация сенского департамента постановила (на 2-й добавочный день VI года), чтобы каждый из двенадцати парижских муниципалитетов справлял декадный праздник в одной из пятнадцати церквей, отведенных в пользование граждан. Отправление других культов должно было в десятый день прекращаться в них с восьми с половиной часов утра до конца декадной церемонии. Все знаки и изображения других культов должны были на время церемонии быть вынесены или закрыты. В самых храмах декадный культ имел характер господствующего культа, а в некоторых городах церкви эти даже были переименованы и лишены своих христианских названий. Так, например, по постановлению центральной администрации сенского департамента от 22 вандемьера VI года пятнадцать парижских церквей были переименованы следующим образом: Церковь св. Филиппа Рульского - в храм Согласия; св.Рока - в храм Гения; св. Евстахия - в храм Земледелия; св.Жермэна-Оксерруа - в храм Признательности; св. Лаврентия - в храм Старости; св. Николая - в храм Гименея; св.Мерри - в храм Торговли; св.Маргариты - в храм Свободы и Равенства; св.Жервэ - в храм Юности; собор богородицы - в храм высшего Существа; св. Фомы Аквинского - в храм Мира; св.Сулпиция - в храм Победы; св.Иакова - в храм Благотворительности; св.Медарда - в храм Труда; св.Этьена - в храм Сыновнего Почитания. Это была внешняя дехристианизация, оставлявшая общество по меньшей мере равнодушным: мы не обнаруживаем следов какого бы то ни было коллективного протеста против этого переименования.

Вообще говоря, декадные праздники вызывали больше любопытства, чем энтузиазма. Граждан собиралось на церемонию не очень много. Исключение составляют венчания, которые собирали много людей и наносили сильный ущерб католичеству. Так, в конце вандемьера VII года комиссар Директории при центральной администрации сенского департамента отмечает, что в одном сельском кантоне (Пьеррефит) «декадная торжественность произвела такое импонирующее впечатление на жителей, что венчания, совершаемые по новому способу, не подвергаются больше утверждению священника».

Эта гражданская религия, эта официально установленная религия патриотизма, явившаяся бледным отражением культа высшего Существа, не была популярной. Однако, церемонии ее, как ни холодны они были, все же вошли в быт, по крайней мере, в Париже. Этот светский алтарь отечества, который был воздвигнут в церквях, напоминал о великой попытке дехристианизации. Он являлся до того времени, как Бонапарт упразднил его в 1802 г., одним из видимых знаков обмирщения, символическим знаком, знаком внушительным, официальным выражением некоей философии государства.

Другим отражением или последствием культа высшего Существа была теофилантропия, основанная несколькими частными гражданами, просвещенными буржуа, в Париже, в нивозе V года. Это - «естественная религия», но не та, что у Руссо или Робеспьера, не первоначальное или очищенное христианство, это - скорее религия Вольтера и английских вольнодумцев, предшествовавшая, по их мнению, христианству и стоявшая выше его.

Это - деисты, но настолько терпимые, чтобы мириться с атеизмом какого-нибудь Сильвэна Марэшаля¹. Они не признают никакого откровения, никаких мистических догм. Их культ заключается в том, чтобы собираться, в семье или в храме, для взаимного укрепления в служении морали. Он лишен всякой пышности. Несколько моралистических надписей, простой алтарь с цветами и плодами - вот и все принадлежности культа. На собраниях теофилантропы поют гимны, воздают честь героям человечества, - Сократу, Сен-Винцент-де-Полю², Жан-Жаку Руссо, Вашингтону.

Основанный книгопродавцем Шмэном, встретивший покровительство директора Ляревельер-Лепо, культ этот отнюдь не бывший популярным, сгруппировал вокруг себя много избранных политиков, литераторов, артистов, как Дюпон (из Немура), Бернардэн-де-Сен-Пьер, Мари-Жозеф Шенье, Андриэ, художник Давид. Теофилантропы получили в Париже в свое пользование восемнадцать церквей и часовен. Директория оплатила им издержки по переходу их в собор Богоматери. Министр внутренних дел разослал бесплатно за своей подписью по всем департаментам «Manuel» (краткое руководство) Шмэна. Вскоре Комиссия Просвещения одобрила катехизис теофилантропов, который, таким образом, сделался учебной книгой. Теофилантропия не сделалась, однако, государственной религией, подобно декадному культу, хотя предложение о превращении теофилантропии в государственный культ было внесено 9-го фруктидора в Совете Пятисот. Являясь религией умственной аристократии, теофилантропия не собрала значительной паствы. Однако, она была довольно устойчивой, она имела своих верующих, она служила препятствием, мешавшим преобладанию и господству римского католичества, в то время, когда Бонапарт упразднил ее (1802 г.).

Наряду с этими рационалистическими культами и над ними свободомыслие имело свою как бы официальную организацию в недрах Национального института, в котором «отделение нравственных и политических наук» сгруппировало наиболее влиятельных вольнодумцев этого времени, Вольнея, Гара, Жингенэ, Кабаниса, Лаканалю, Нэжона. Органом их являлось значительное периодическое обозрение «La Decade philosophique» (Философская декада). Из этого центра излучался философский, антихристианский дух, лишенный, однако, всякой воинственности.

VI
Вот, вкратце, описание религиозных и философских организаций, существовавших в годы отделения Церкви от государства.

Если Директория и не осуществила своего намерения, то скрывавшегося ею, то высказывавшегося открыто, разрушить католическую религию, то она своей политикой все же популяризовала идею светского государства, укрепила тот светский характер, который государство должно было приобрести уже по конституции. Она наблюдала за тем, чтобы народное просвещение не имело никакой другой основы, кроме рационализма. В своем циркуляре преподавателям центральных школ министр внутренних дел Франсуа (из Невшато) обязывал их избегать в своем преподавании «всего, что относится к догмам и обрядам каких бы то ни было культов и сект». Следует преподавать только «всеобщую мораль». После 18-го фруктидора Директория обязала кандидатов на общественные должности посещать государственные школы. Она организовала строгий надзор за свободными школами с тем, чтобы закрывать все те школы, в которых преподавание не основано на рационалистических принципах французской революции.

¹ МАРЕШАЛЬ, СИЛЬВЭН (1750-1803) - поэт и философ, пламенный атеист, переведший в 1781 г. на французский язык Лукреция и издавший еще до введения республиканского календаря «Альманах для образованных слоев», где имена святых были заменены именами великих людей. После 1797г., когда среди французской интеллигенции началась католическая реакция, Марэшаля начали поносить и преследовать, обзывая его свихнувшимся, выжившим из ума. Марэшалю, однако, не сдавался и в конце XVIII века выпустил под руководством астронома-атеиста Лаланда «Словарь атеистов». Он умер, оставшись верным атеизму, и сам себе составил надгробную эпитафию: «Здесь покоится мирный атеист; он всегда шествовал прямо, не глядя на небо. Да будет чтима его могила; друг добродетели был врагом богов». См. в нашей библиотеке: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#marech>.

² ВИНЦЕНТ-ДЕ-ПОЛЬ - католический святой (1576-1660), основатель общины «Сестер милосердия» и миссионерского ордена лазаристов.

Таков был тот политико-религиозный строй, который Бонапарт разрушил в 1802 г., заключив соглашение с папой Пием VII.

Часто говорили, что Бонапарт восстановил алтари. Нет, алтари были восстановлены везде до него. Во Франции до него была ключем религиозная жизнь так же, как и философская. Напротив, он низверг алтари, алтари декадного культа, алтари теофилантропов. Он разорил гнездо вольнодумцев в Институте, упразднив Отделение нравственных наук, члены которого перешли в другие отделения. Тот светский характер, который приняло государство при Директории, был искажен Бонапартом в интересах римской церкви. Он упрочил эту церковь, покончив с конституционной церковью. Он дискредитировал воинствующих вольнодумцев и сделал их почти беззащитными. В действительности, Бонапарт восстановил господствующее положение римско-католической церкви не из благочестия, а из политических соображений. Он воображал, что он сам будет господствовать над папой, а через папу - над сознанием его паствы.

В нашей библиотеке можно прочитать тексты, относящиеся к теме:

[Я.Захер. Дехристианизаторская деятельность Фуше](#)

[М.Славин. Эбертисты под ножом гильотины](#)

[Х.Момджян. Биография и общественно-политические и философские взгляды Сильвена Марешаля](#)

[А.Матвеева-Леман. Праздник Верховного Существа: критический очерк \(дискуссия и полный текст\)](#)

[С.Блуменау. Церковные реформы начала революции и французское общество](#)

[М.Домнич. К истории секуляризации церковных имуществ во Франции](#)

[Ф.Саньяк. Гражданское законодательство Французской революции](#)

[Доклад Фабра д'Эглатина Конвенту о реформировании календаря \(октябрь 1793 г.\)](#)

[Декрет о датировании государственных актов](#)

[Декреты о новом летоисчислении](#)

[Инструкция к декрету](#)

[НАЦИОНАЛЬНОЕ \(УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ\) СОБРАНИЕ:](#)

[ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг.: монтаньяры, эбертисты, дантонисты «бешеные»](#)

[ЦЕРКОВЬ и ГОСУДАРСТВО](#)

[Декрет о присяге духовенства](#)

[Из декрета 29 ноября 1791 г. против неприсяжных священников](#)

[Из декрета Законодательного Собрания от 27 мая 1792 г. против неприсяжных священников](#)

[Декрет 16 фримера \(6 декабря 1793 г.\) о свободе культов](#)

[Ж.-М.Ролан. О контрреволюционной роли духовенства: речь в Законодательном собрании 16 апреля 1792 г.](#)

[ДЕХРИСТИАНИЗАЦИЯ в ПРОВИНЦИИ \(ПО ПРОТОКОЛАМ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ\)](#)

[ЯКОБИНСКИЕ КЛУБЫ в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ \(Париж, Тюлле, Лимож\)](#)

[ПАРИЖСКАЯ КОММУНА в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ и ЦЕРКОВЬЮ \(из АРХИВА ШОМЕТТА\)](#)

[ДУХОВЕНСТВО и КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ](#)

[Сложение сана священниками в Конвенте](#)

[Адрес Нэжона Национальному собранию](#)

[Прокламация Фуше в Невере и Мулене 19 брюмера II года](#)

[Сильвен Марешаль. Антиклерикальные статьи в «Парижских революциях»](#)

[Великая радость отца Дюшена по поводу декрета, предписывающего парижскому архиепископу вернуться в свою епархию, а всем попам - принести гражданскую присягу](#)

[Ж.-П.Бриссо. Авторитет отцов церкви](#)

[Ж.-Ж.Руссо. Исповедание веры савойского викария](#)

См. также другие **работы Альфонса Олара**: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#aulard>